

Валерий Величко

Из архивов
КГБ

От Лубянки до Кремля

Секретные миссии

Секретные миссии (Аква-Терм)

Валерий Величко
От Лубянки до Кремля

Издательский Центр «Аква-Терм»

2013

Величко В. Н.

От Лубянки до Кремля / В. Н. Величко — Издательский Центр «Аква-Терм», 2013 — (Секретные миссии (Аква-Терм))

Чем дальше от нас уходит «революция 1991 года», тем важнее дать правдивую оценку событиям тех лет, действиям бездарного или сверхдоверчивого ГКЧП (?), трагедиям Баку, Вильнюса, Еревана, Тбилиси, героической защите Белого дома, определить, пока еще живы свидетели, побудительные мотивы и результаты действий той и другой стороны. Умные стараются учиться на чужих ошибках! Кто они? Ельцин, Горбачев, деятели Межрегиональной депутатской группы, Гайдар, Чубайс, «отец русской демократии» А. Сахаров – «герои», положившие конец «проклятому тоталитарному коммунистическому режиму», давшие союзным республикам независимость, а советским людям долгожданную свободу! Независимость от кого и от чего? Или откровенные предатели, под руководством спецслужб Запада, разрушившие великую Державу, разворовавшие и разбазарившие ее богатства, на годы погрузившие большинство ее граждан в кошмар унижительного существования? Не благодаря ли им мы до сих пор никак не уничтожим беспредел криминалитета и повальную коррупцию российского чиновничества всех уровней. Не их ли стараниями, забыты Божьи заповеди и кодекс строителя коммунизма, пробудились в массах самые низменные инстинкты, процветают безнравственность, мошенничество, страсть к безмерной наживе? Где же были те мудрые всевидящие и всезнающие андроповские чекисты, обязанностью которых было предвидеть и не допустить этой трагедии? На эти и другие вопросы пытается дать ответ в своей книге бывший начальник Штаба правительственной охраны КГБ СССР генерал-майор в отставке Валерий Николаевич Величко. Интересно также почитать его воспоминания об организации зарубежных визитов бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева, о работе КГБ СССР и его 9-го Управления, спецслужб США, Индии, Кубы, Южной Кореи и другом по обеспечению безопасности высших должностных лиц стран. Многие суждения ветерана советских органов госбезопасности, конечно, не бесспорны, но бесспорно интересны.

© Величко В. Н., 2013

© Издательский Центр «Аква-
Терм», 2013

Содержание

Вступление	6
Часть I	26
Через тернии – к звездам	26
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Величко

От Лубянки до Кремля

Вступление

Август 1991 года тяжелым катком прошел по судьбам нашей страны. В Комитете государственной безопасности СССР он коснулся почти всех, кто реально отвечал за конкретные дела, направления работы, был обязан принимать решения. Тех, кто, исполняя долг и присягу, не перебежал с баррикады на баррикаду, зарабатывая должности и звания у новой власти...

Таким образом, в послеавгустовские дни Комитет госбезопасности первый раз был очищен от наиболее преданных стране сотрудников – коммунистов-чекистов.

Были выведены за штат и долгое время находились под следствием практически все заместители начальников Управлений, руководители подразделений, сотрудники, имевшие по службе отношение к августовским событиям.

В Службе охраны и СЭТУ-2 КГБ СССР, на которые разделилась «Девятка» в начале 1990 года, первыми жертвами стали их начальники генерал-лейтенант Ю.С. Плеханов и генерал-майор В.В. Генералов.

Не минула эта чаша и меня. Я был какое-то время помощником Юрия Сергеевича, и по указанию руководства Комитета мне приходилось выполнять достаточно деликатные поручения.

После Ю.С. Плеханова на некоторое время руководителем советско-российской правительственной охраны стал полковник, а потом генерал-майор – начальник Службы охраны КГБ – Главного управления охраны РФ (1991–1992) В.С. Редкобородый, с которым мне приходилось решать многие вопросы еще со времен работы в Парткоме КГБ СССР. Он тогда возглавлял непростое во многих отношениях 2-е «трассовое» отделение 5-го отдела Управления.

Хорошо ко мне относясь и зная, что до выслуги в 25 лет у меня не хватало всего нескольких месяцев, он попытался дать мне возможность дослужить до полной пенсии.

В этот период, где-то около месяца, походы на допросы я временно совмещал с обязанностями начальника отдела службы и боевой подготовки – заместителя начальника Службы охраны КГБ СССР. Принимал участие в разработке «Концепции охраны высших должностных лиц СССР и Российской Федерации», подготовил ряд предложений по реорганизации Службы охраны и ее взаимодействию со Службой безопасности Президента РСФСР и др.

В один прекрасный день Владимир Степанович пригласил меня к себе и попросил о помощи. Надо было срочно выехать во главе подготовительной группы в Нагорный Карабах.

Личной просьбе Владимира Степановича я отказать не мог, тем более что мне это было интересно чисто профессионально. Таким образом, я уже в «демократические» времена принял участие в организации безопасности встречи 20–23 сентября 1991 года в Степанокерте трех президентов новых государств: России, Казахстана и Азербайджана (Б. Ельцина, Н. Назарбаева и А. Муталибова). Это была моя лебединая песня в правительственной охране.

В.С. Редкобородый и Б.К. Ратников, тогда начальник ГУО и заместитель начальника СБ Ельцина, по-товарищески предупреждали меня: «Валерий Николаевич, постарайся не попадаться на глаза Борису Николаевичу!» Они знали, что во времена СССР мне приходилось сталкиваться с ним лично, создавать проблемы ему и А.В. Коржакову, и большой любви ко мне, как вы понимаете, они не испытывали.

Но как это при нашей работе – «не попадаться на глаза»? Обстановка в Нагорном Карабахе была тогда очень непростой, там фактически шла война, и надо было либо работать, либо прятаться от неуважаемого мной лица.

Кстати, к Александру Васильевичу Коржакову я до сих пор отношусь с большим уважением, хотя не все в его деяниях разделяю и оправдываю.

А прятаться, например, в аэропорту Ходжалы, куда прибывали и откуда убывали высокие гости, было просто негде. Он чуть больше футбольного поля. Увидев меня, Ельцин, глядя поверх голов преподносивших ему хлеб-соль девушек, как мне рассказывали потом, спросил у охраны, показывая на меня пальцем: «А этот все еще служит?» Расправа была короткой.

Усугубил дело и еще один эпизод. Ельцин и его свита после обязательных для них возлияний забыли в своей временной резиденции тезисы доклада, которые он должен был читать, кажется в Ереване, куда президенты-мироотворцы улетали. По просьбе Коржакова моим ребятам удалось разыскать этот документ, а мне, пригнувшись под винтами готового к взлету президентского вертолета, передать его лично в руки докладчику. До сих пор помню уставленные на меня немигающие злые глазки первого президента России. Обид и свидетелей его униженного положения, о чем я еще расскажу, ЕБН не забывал никогда. Да, видимо, и с похмелья утром тяжелоатому было.

В Москве меня уже ждали документы об увольнении со службы с выслугой чуть больше 24 лет.

Один из молодых горбачевских охранников (Олег Климов), на некоторое время ставший единомоментно из майоров полковником, со словами: «Мы не нуждаемся в предателях!» бросил мне в лицо несекретную часть моего личного дела и предложил в ближайшее время встать на воинский учет по месту жительства в Гагаринский военкомат. Обычно офицеры Комитета госбезопасности стояли на учете в пенсионном отделе центрального аппарата КГБ СССР или, соответственно, УКГБ по г. Москве и Московской области.

Уходя из кабинета, я сказал: «Еще неизвестно, кто из нас предатель? И если ты, Олег, думаешь, что долго здесь просидишь, то уверяю, Борис Николаевич больше месяца тебе и твоему шефу покомандовать не даст!» Я оказался прав. ЕБН, как уже было сказано, обид не прощал. Уже через несколько дней он прилюдно показал «перестройщику», кто он есть.

Не кадровики, а молодой воин-кремлевец, еще с буквами ГБ на васьиковых погонах, на входе в Кремль, покраснев и опустив глаза долу, потребовал сдать ему удостоверение КГБ и служебный пропуск в Кремль.

Пропуск я ему отдал, а удостоверение КГБ СССР позднее сдал в отдел кадров.

После первого шока ничего кроме смеха не вызвало у меня и следствие по делу ГКЧП.

Следователь российской прокуратуры, привлеченный для работы аж с самого Дальнего Востока, из города Петропавловска-Камчатского (ближе не нашли!), не знавший ни существа дела ГКЧП, ни структуры КГБ, ни профессиональной чекистской терминологии, ни Москвы, сначала достаточно агрессивно пытался найти доказательства моего активного злонамеренного участия в огромном антигосударственном заговоре. Ему непременно нужны были данные о парнях, явках и конспиративных квартирах, о тайных встречах под покровом ночи, о складах оружия и спецсредств (наручников), о тайниковых операциях. Интересовали списки многочисленных заговорщиков, страшные клятвы на крови, а также якобы планировавшиеся нами – заговорщиками – аресты и расстрелы честных людей-демократов и т. п.

Ну и трудно было от него ждать объективности. В первый же день он мне с вызовом откровенно сказал: «Вы знаете, Валерий Николаевич, я – еврей и, естественно, не люблю КГБ. Комитетчики не давали мне продвигаться по службе, не разрешали выезжать за границу. За что мне их любить?»

Знать-то я не знал, но скрыть характерные признаки своей национальности ему было трудно. Но и антисемитом я никогда не был. Был коммунистом-интернационалистом, и мне было глубоко наплевать на его национальную принадлежность. Это его, видимо, мучил комплекс неполноценности... или еще что-то?

Буквально на втором допросе, заглядывая мне в глаза, он уже униженно просил помочь достать ему для больной матери дефицитные лекарства в Четвертом управлении Минздрава СССР. «Ведь охрана, я узнал, всегда тесно сотрудничала с кремлевской медициной!»

Надо сказать, что за исключением пары негодяев все сотрудники Службы охраны КГБ СССР честно прошли горнило августа и «следствия по делу ГКЧП».

Приятно мне было читать в книге генерал-полковника В.И. Варенникова, последнего главнокомандующего Сухопутными войсками СССР, «Дело ГКЧП».

«...И, наконец, о двух генералах КГБ, которые не были членами ГКЧП, но тоже, как и мы, были привлечены к ответственности – это бывший начальник 9-го Управления КГБ Юрий Сергеевич Плеханов и его заместитель Вячеслав Владимирович Генералов.

Это глубоко порядочные, честные и добросовестные работники Комитета. Они сознательно шли вместе с руководством страны, прекрасно понимая, что речь идет о ее спасении, а не о каком-то захвате власти... Ю.С. Плеханов и В.В. Генералов – олицетворение генералов КГБ, преданных своему народу».

Эти слова полностью можно отнести к большинству руководителей и сотрудников Службы охраны КГБ СССР.

На одной из наших последних встреч, уже после августа 1991 года, после «Матросской тишины», Юрий Сергеевич Плеханов, который сыграл немалую роль в моей судьбе, сказал мне: «Знаешь, Валерий, до последнего времени я думал, что чекист уходит из этого мира, унося с собой все, что он знает, все что он видел! Но, побывав в этом «санатории» (так он называл «Матросскую тишину»), побеседовав с новым «демократическим» поколением следователей, пообщавшись с полностью политически дезориентированной охраной, почитав современную прессу и насмотревшись антисоветских передач ТВ (благо, время было!), я понял, что если мы с тобой не расскажем людям правду о том, кто мы были, как мы жили, за что боролись, какими «привилегиями» пользовались, то следующие поколения, увы, не будут видеть разницы между словами «коммунист-чекист» и «фашист-гестаповец».

Пусть в нашей доброй памяти останутся имена помогавших нам советских патриотов-агентов и доверенных лиц, которым сегодня нашли массу грязных определений – «стукачи», «сексоты» и т. п.

Не собираемся мы разглашать секреты ни старого, ни нового государства, а также знания о личной жизни доверивших нам свою охрану людей.

Но мы должны сделать все, чтобы наши дети и внуки поняли нас и с гордостью говорили, что их отец или дед был «Чекистом». С большой буквы.

Я верю, что ты сможешь все это рассказать. Рассказать, в частности, как работала «Девятка», которую уважали, у которой учились и перед которой преклонялись лучшие спецслужбы мира».

Со времени этого разговора прошло уже больше двадцати лет.

Задачу он мне поставил весьма непростую.

Во-первых, не все можно рассказать даже своим товарищам. Каждый из нас знал только то, что ему полагалось по должности. Это специфика той, как говорит один мой старый товарищ, «прошлой» и, наверное, главной нашей жизни.

Жизни, каждым днем которой я горжусь. По совести служил государству, поставившему перед собой великие цели. С гордостью носил в кармане партбилет, а на плечах офицерские погоны. Был верен единожды данной присяге, не избегал трудностей. Был честен перед собой, перед людьми, перед товарищами и командирами, не сломался и в трудные постсоветские времена.

Участвовал в создании и почти 20 лет был президентом первой в истории СССР и России неформальной общественной организации ветеранов-чекистов – «Клуба ветеранов госбезопасности», которая была основана 18 ноября 1993 года и на первом этапе и после кровавых

событий 1993 года помогла очень и очень многим. Иногда просто фактом своего существования, возможностью встретиться на нейтральной территории и отвести душу с единомышленниками.

В чем еще трудности? Помимо принципа конспирации (неразглашения служебных секретов, хотя это уже секреты несуществующего государства, да и мы, профессионалы, знаем, о чем можно, а о чем нельзя говорить!) есть и еще одна трудность, морально-нравственная. Если говорить все, будет обижена масса неплохих людей. Наверное, у каждого из нас были ошибки, было что-то глубоко личное, не подлежащее разглашению и широкому обсуждению. Тем более, что мое видение проблемы может быть весьма субъективным. Даже если этих людей уже нет, то это может быть обидно их детям и внукам, а не хотелось бы...

О мертвых или хорошо, или ничего (хотя не обо всех!)...

Попытался изложить события прошлого на бумаге, но столкнулся с еще одной непростой проблемой. Оказывается, наша память, не теряя главного, увы, не всегда точна в деталях, датах, фамилиях и именах участников событий. Ведь в той, «прошлой», жизни у нас не было даже мысли вести личный дневник или записывать текущие события на «неучтенной» бумаге. Опять специфика.

Хорошо сидящим в архивах историкам, журналистам или приближенным к власти мемуаристам выкапывать из пыльных папок жареные факты с точностью до дней и часов, а потом в виде различного рода жутких «Тайн КГБ», «Тайных войн» и т. п. выбрасывать их на смакование жаждущей крови и клубнички широкой публике.

Но оказалось, что и из этого положения можно найти выход. Прежде всего возможность сверяться с воспоминаниями уже напечатанными. В этом плане моя домашняя библиотека может, я думаю, поспорить со многими – государственными.

А также всезнающий Интернет.

Недавно, путешествуя по Интернету, я неожиданно наткнулся на адрес nsarchive.org, принадлежащий The National Security Archive The George Washington University – Национальному архиву по безопасности Университета Джорджа Вашингтона. Удивлению моему не было предела. На сайте выставлены для ознакомления той самой широкой общественности интереснейшие секретные документы ЦК КПСС, МИД СССР и других министерств и ведомств.

По документам ЦК КПСС и МИД СССР, я думаю, не надо искать, «какая собака порылась», сформированные там персональные архивы А.Н. Яковлева, А.С. Черняева (помощника Горбачева по международным делам) и других говорят сами за себя.

Но там же мы с вами найдем служебные документы Комитета госбезопасности, имеющие высшие грифы секретности с подписями Ю.В. Андропова, В.М. Чебрикова, визами Л.И. Брежневца, К.У. Черненко, М.С. Горбачева и др.

Например, полная подборка оригиналов отчетов о работе органов КГБ СССР за период с 1975 по 1985 год. Из «Особой папки», естественно с грифом «Совершенно секретно», и других в этот интересный архив попали, например, материалы «О результатах работы органов ГБ по борьбе с террористическими проявлениями» (1978 г.), «Об итогах работы в 1981 году по розыску авторов антисоветских анонимных материалов», «О некоторых итогах предупредительно-профилактической работы» (1975 г.) и др.

Я понимаю, что сегодня эти документы давно несекретны и представляют лишь исторический интерес, но тем не менее ознакомиться с ними в наших архивах добросовестным историкам и даже бывшим офицерам КГБ СССР – историкам – невозможно. Закон «О государственной тайне» и нормы «Временного (1992 г.) положения о порядке доступа к архивным документам и правилах их использования» не позволяют.

Но главное, мы ведь не знаем, что еще не выставляется американцами на сайты Интернета. Ведь есть прецедент Wikileaks. Да и американцы громче всех кричат о недопустимости выставления на общедоступные сайты только своих не рассекреченных в установленном

порядке служебных документов и даже пытаются Дж. Ассанжа (Julian Assange) обвинить во всех смертных грехах. Уж очень много неприглядного становится нам известно о деятельности самой демократичной в мире страны и ее спецслужб. Покушения на лидеров государств, подготовка «оранжевых революций» и «арабской весны», использование в подрывных целях различного рода международных структур, официально разрешенные президентом пытки, секретные тюрьмы ЦРУ и др.

А нам важнее знать, где гарантия, что по этим же каналам Национальный архив не собирает и современные секретные документы ФСБ, СВР и других российских спецслужб.

Общеизвестно, что во времена оные и отец-прохиндей Глеб Якунин, и борец за свободу и демократию, кандидат в вице-президенты РФ и мэры Москвы Владимир Буковский хорошо поработали в наших архивах. В 1992 году по приглашению новых российских властей герой-диссидент Буковский принял участие в процессе по «делу КПСС» в Конституционном суде РФ (июль – октябрь 1992 г.) в качестве официального эксперта. В ходе подготовки к судебным слушаниям Буковский получил доступ к секретным документам ЦК КПСС из Архива Президента РФ. Потом он хвалился, что, будучи советником Бакатина, он запрашивал из архивов спецслужб наиболее «горячие» материалы, сканировал их портативным (щеточным) аппаратом и вывозил на Запад.

Я же взялся за перо, выполняя волю моего старшего товарища и командира, чтобы, во-первых, восстановить историческую справедливость и рассказать о том, кем я и мои товарищи были, за что боролись, как жили, каким богам поклонялись. А то ведь современные борзописцы – «борцы против фальсификации истории», разного рода федотовы, сванидзе и млечины, выполняя поставленную им сверхзадачу, сделают из нас окончательных монстров.

Во-вторых, надеюсь на то, что из рассказанного мной что-нибудь будет не только интересно, но и полезно любознательному читателю, современным сотрудникам органов безопасности. Хотя надо учитывать и субъективность моих мнений.

Ну, а в-третьих, личное. Я часто наблюдаю за своей спящей собакой. У моей любимой английской бульдожки дергаются лапы – она кого-то догоняет. Добрая и совершенно безобидная в жизни, она во сне скалит зубы, пытается рычать, строит страшные гримасы. Но она с первых дней существования – домашняя, и самое страшное и драматичное, что было в ее безбедной жизни, – стычка (разборка?) с такими же «страшными» животинами из соседнего подъезда на спортивной площадке в нашем московском дворе. Да и то хозяева не дают ей, как правило, развернуться в полную силу.

Я возможно не так безобиден, но в чем-то похож на нее, продолжаю в своих снах служить, летаю в командировки, воюю. Некоторые сны с поразительной настойчивостью повторяются из года в год. Меняются лишь детали и действующие лица. От них я уже здорово устал. Прсыпаюсь в холодном поту, приснилось, что, например, не все идет по плану, не успел или забыл дать какие-то последние важные указания и т. п. Чтобы не мешать спать другим, перебираюсь на диван в кабинет и долго лежу с открытыми глазами.

Где-то прочитал, что для избавления от кошмарных снов надо выговориться или записать воспоминания о прошлом на бумагу. Мои самонадеянные планы укрепила положительная реакция читателей на опубликованные в альманахе «Лубянка» мои первые мемуарные описания.

Как я уже сказал, этой книгой я попытаюсь выполнить завещание моего командира, учителя и старшего товарища Юрия Сергеевича Плеханова. Вам судить – как получилось.

Вершиной моего профессионального роста и карьеры в «Девятке» стало участие в работе по подготовке и проведению зарубежных визитов М.С. Горбачева в США (1986 г.), на Мальту (1989 г.) и в Индию (многократно), а также в качестве первого лица – руководителя передовой группы – на Кубу (1989 г.) и в Южную Корею (1991 г.). Были и другие многочисленные поездки по миру с Г.И. Янаевым, Ю.Д. Маслюковым, Э.А. Шеварднадзе и др.

Да, наверное, это и будет наиболее интересно широкому читателю. Поэтому я решил назвать книгу «От Лубянки – до Кремля. Нетуристические поездки по миру».

В рядах Советской Армии (10.11.1964-10.11.1967 гг.)

Первая медаль. «XX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Лето 1967 года. г. Ковель. Учения «Днепр». Инструктаж командиров боевых машин проводит ст. сержант Величко В.Н.

Занятие по огневой подготовке проводит зам. командира группы лейтенант Величко В.Н.

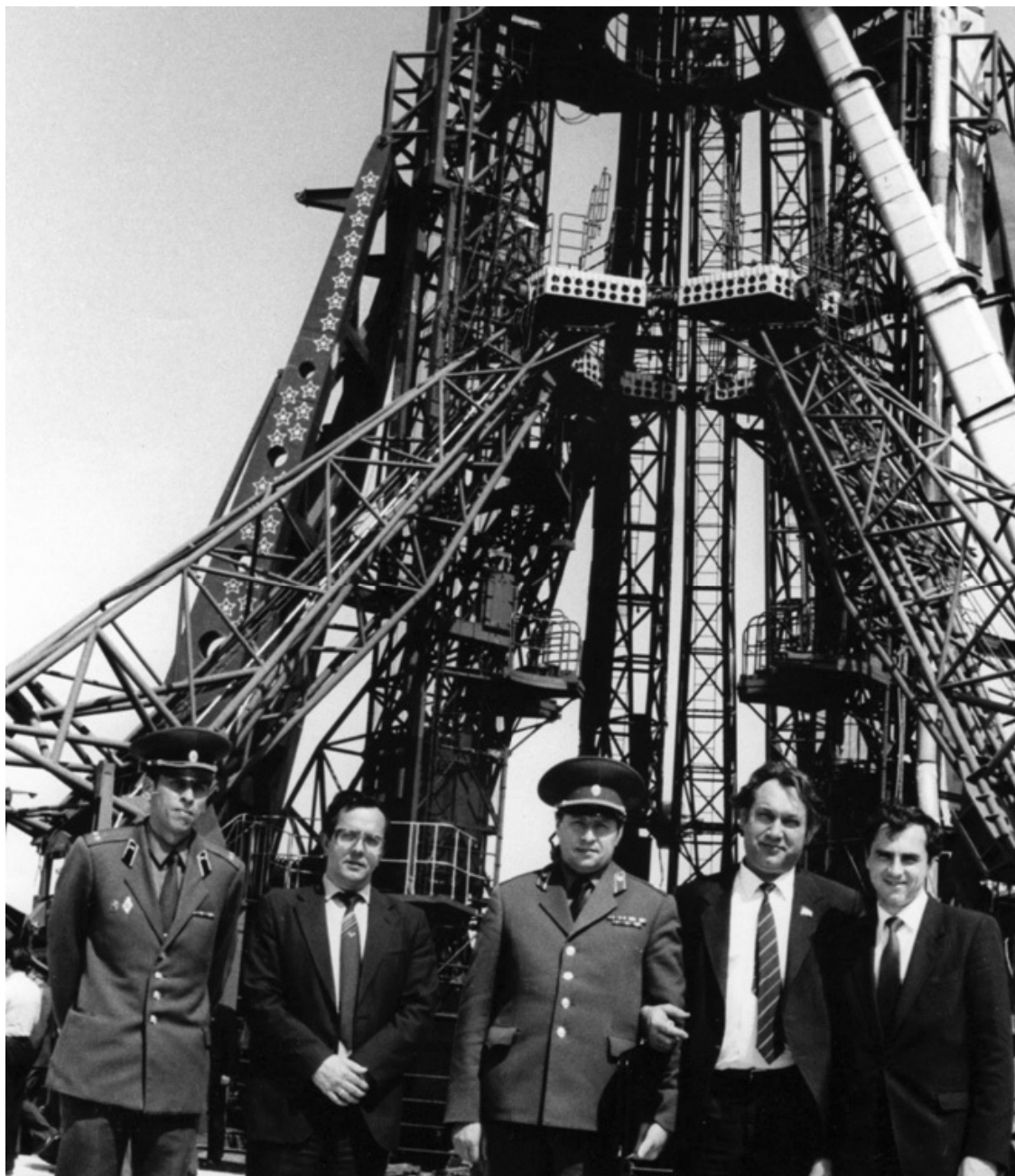
Трудовые будни правительственной охраны (1985-август 1991 гг.)

Памятный снимок. Наряд от комендатуры здания правительства СССР у Кремлевского Дворца съездов перед XIX всесоюзной партийной конференцией

Работали и братья наши меньшие. Её звали Солли

Байконур. Гагаринский старт. Сотрудник военной контрразведки подполковник Пахтанов А., п-к Величко В.Н., начальник охраны министра обороны СССР, заместитель Предсовмина СССР, кандидат в члены Политбюро Маслюков Ю.Д., сотрудник охраны

По дороге в Кремль. Фото Н. Малышева

Советское – значит как минимум надежное. ЗИЛы даже в самых тяжелых ДТП никогда не переворачивались. ДТП с ЗИЛом маршала Язова Д.Т. по дороге из Завидово

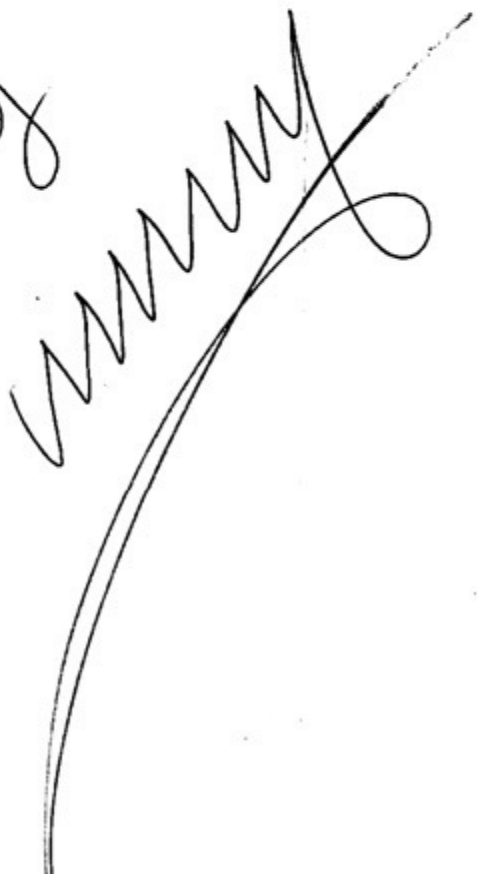
Штаб по охране праздничных мероприятий на Красной площади. Мавзолей В.И. Ленина

А.А.Шмонов

**Как и почему я стрелял
в главаря тоталитарного
государства
М. Горбачева**

Заперши Аикома -
Евг от Шмонова А.А.

Подарок от горе-террориста Шмонова А.А.

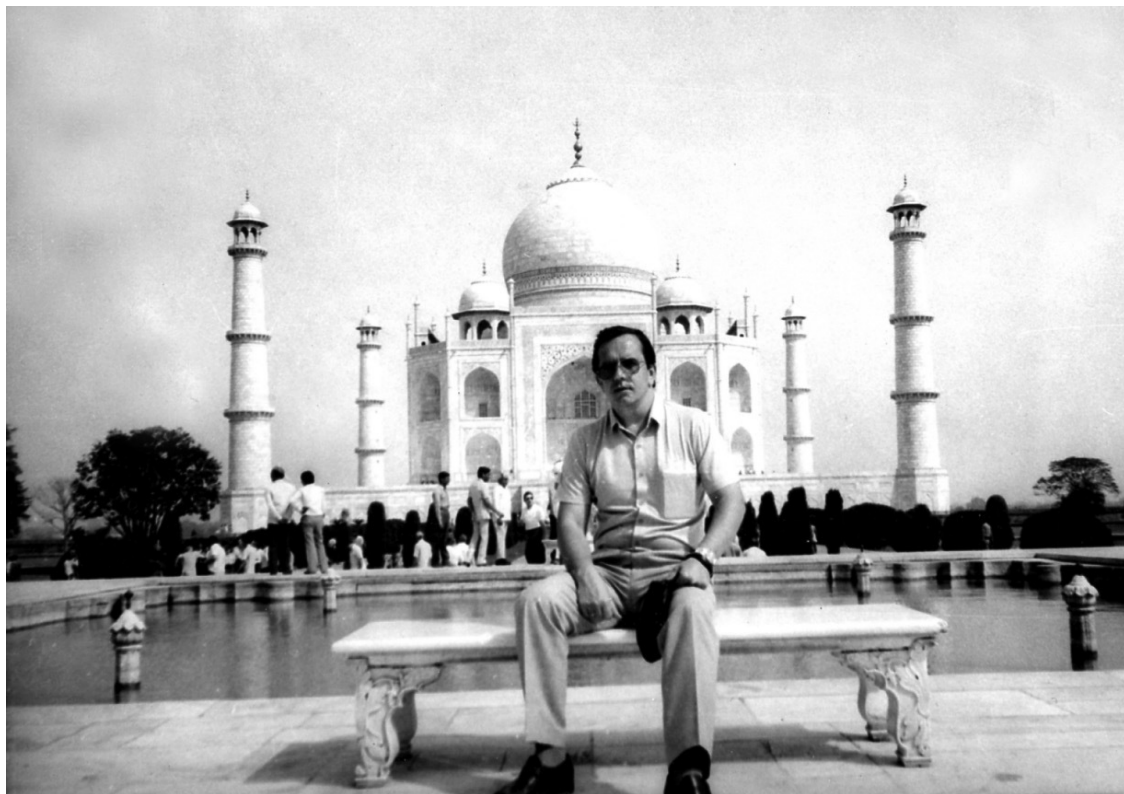

Рональд Рейган и Горбачев на переговорах в Кремле. Май 1988 г.

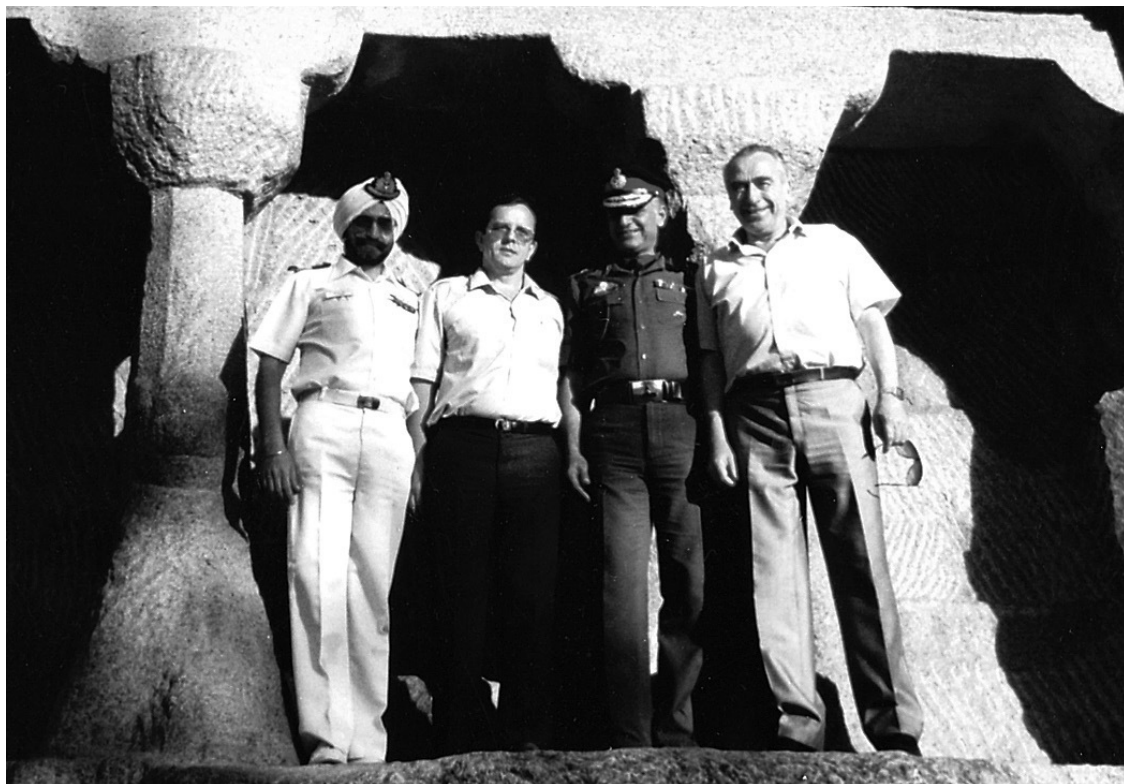

Изобретение 9-го Управления КГБ. Подвижный подиум для снимающих корреспондентов. Внуково-2

Индия

На знаменитой скамейке в Тадж-Махале

Комплекс Махабалипурам. Адмирал ВМС Индии Бава, Величко В.Н., начальник военной контрразведки Индии генерал Капур, министр электронной промышленности СССР Колесников В.Г.

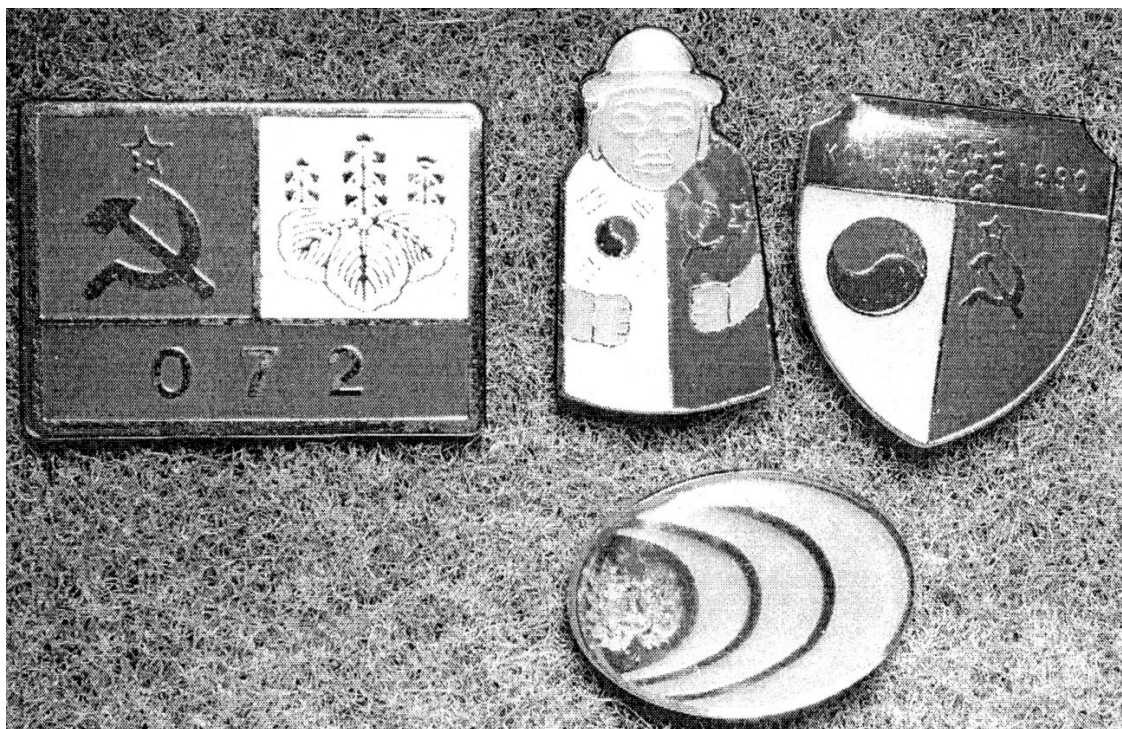

Полковник Величко В.Н., начальник Главного управления персональной охраны МВД Кубы бригадный генерал Ф. Пардо, представитель КГБ СССР при МВД Кубы генерал-майор Коломяков Б.П.

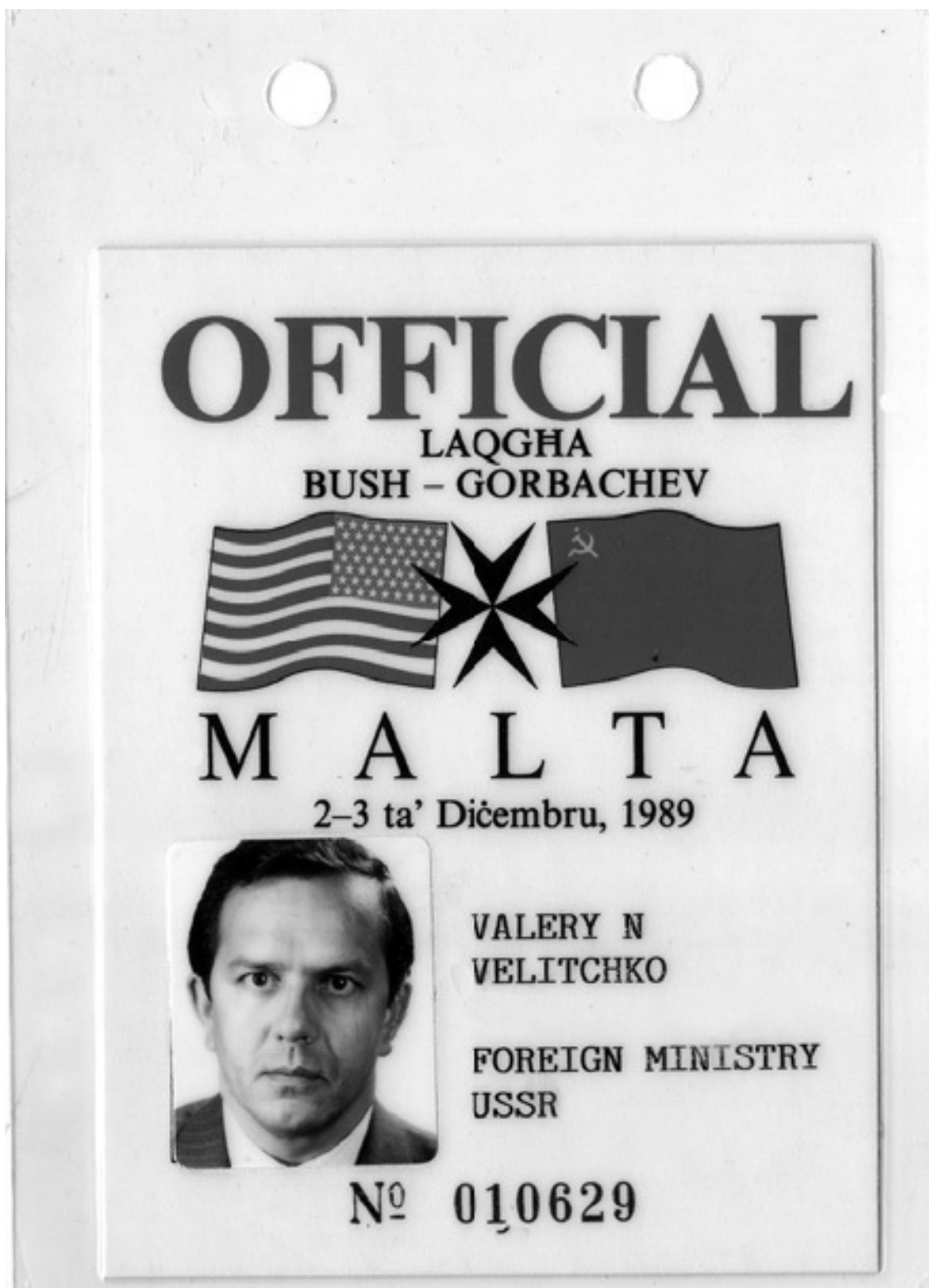

Кубинский тренер по карате Рауль Рисо (5-дан) проводит тренировки с советскими учениками. С левого фланга шеренги стоит инструктор отдела службы В.И. Самойлов. Фото из архива Самойлова В.И.

Мальта

Служебные значки советско-южнокорейской охраны во время визита в СССР президента Ро Дэ У. 1990 г.

Пропуск на официальные мероприятия встречи Буш – Горбачев. 1989 г.

Члены Клуба ветеранов госбезопасности возлагают венок к Могиле Неизвестного солдата. Май 1995 г.

Часть I

От Лубянки до Кремля

Памяти моих товарищей-офицеров-Чекистов, оставшихся верными долгу и присяге

Через тернии – к звездам

*О партии и КГБ. Конструкторское бюро химавтоматики (КБХА).
О Парткоме КГБ СССР. Что вы думаете о надежности охраны Кремля?
Предложение, от которого невозможно отказаться. 13-й отдел
Главного управления контрразведки. И еще немного о Парткоме КГБ.
Информационно-аналитическая группа УКГБ по Воронежской области.
«Юрьевы дни». НИИ «Прогноз». Первые впечатления о Горбачеве.*

Никогда не думал, что мне придется работать в 9-м Управлении КГБ СССР, в легендарной «Девятке» – советской правительственной охране. Надо сказать, что даже у сотрудников других подразделений Комитета госбезопасности, видевших лишь внешнюю – силовую сторону работы этого необычного подразделения, мнение о сотрудниках охраны, о специфике их работы были, как я убедился позднее, весьма превратны.

Высокие, красивые, накачанные, нахрапистые, уверенные в себе и своем праве командовать всем и всеми, видимо, хорошо стреляющие из всех видов оружия и владеющие самыми секретными приемами рукопашного боя сотрудники правительственной охраны – элита КГБ, всегда считали мы.

О них и в чекистской среде немало ходило различного рода добрых и не очень побасенок и анекдотов. Видимо, от недопонимания, а может быть, от зависти.

Хотя каждый из нас в том или ином качестве за время службы не раз привлекался к обеспечению безопасности высших должностных лиц нашей страны, высоких зарубежных гостей, масштабных общественно-политических мероприятий и понимал, что «один в поле не воин» и что «интеллект и грамотная организация мероприятия важнее силы».

Будучи еще слушателем Высших курсов КГБ СССР в Минске я участвовал зимой 1973 года в мероприятиях по обеспечению безопасности Л.И. Брежнева, когда он приезжал в столицу Белоруссии после переговоров в Заславле с президентом Франции Жоржем Помпиду. В тот раз я, будучи заместителем командира учебной группы, отвечал за пропускной режим на одном из входов в здание гарнизонного Дома офицеров и убедился, что желания показать себя и власть у охраны было с избытком.

Второй раз мне пришлось приобщиться к подготовке охранных мероприятий, когда на Воронежский механический завод, куратором которого по линии контрразведки я был, приезжал «крестный отец» Ельцина, секретарь ЦК КПСС по вопросам ВПК Я.П. Рябов.

Во время работы в Воронеже мне неоднократно приходилось организовывать работу по обеспечению безопасности проведения ежегодных совещаний партийного актива области, так как эти заседания проходили в одном из лучших в то время в городе дворцов – во Дворцах культуры Воронежского механического завода или КБ химавтоматики.

С вопросами охраны мне пришлось также столкнуться во время одной из заграничных командировок, когда в 1984 году в качестве «тренера-психолога» я в составе сборной команды СССР по спортивной гимнастике выезжал в США.

Помимо других обязанностей мне была поставлена задача изучения вопроса о том, какие меры американцы планируют принять для обеспечения безопасности советских спортсменов во время их возможного участия в летней Олимпиаде в Лос-Анджелесе?

Тогда прошло ведь чуть больше 10 лет с того момента, как ранним утром 5 сентября 1972 года восемь вооруженных террористов группы «Черный сентябрь» ворвались в резиденцию израильской делегации в Олимпийской деревне Мюнхена, расстреляли на месте двоих спортсменов, а еще девятых взяли в заложники. Подобного нельзя было допустить.

Учитывалось, что соревнования, в которых в тот раз должны были принять участие советские спортсмены-гимнасты, должны были проходить на будущих олимпийских спортивных сооружениях, и я мог, не расшифровываясь, объяснить свой повышенный интерес к несвойственным для «тренера-психолога» вопросам заботой о сохранении жизни и здоровья гимнастов и смело задавать вопросы о мерах безопасности.

Заинтересованные в присутствии на Олимпиаде советских спортсменов американцы, по моему, прекрасно понимая, в какое ведомство попадут их рассказы, откровенно делились своими планами, без стеснения демонстрировали нам технические новинки в вопросах безопасности и др. Я увидел много нового и интересного.

По планам американцев советские спортсмены должны были расселяться в старом здании Лос-Анджелесской федеральной тюрьмы с толстыми стенами из красного кирпича, окнами-бойницами и с высоченными заборами из металлической сетки. Все по-американски прагматично. Уж если хотите стопроцентную безопасность в местах проживания – то вы ее получите.

По возвращении подготовил довольно объемную справку, которая была доложена руководству Комитета.

Советские спортсмены, к сожалению, так на Олимпиаду и не поехали, но справка позднее сыграла существенную роль при решении вопроса о моем переходе в «Девятку».

Многое из увиденного в Лос-Анджелесе я постарался позднее внедрять в практику советской охраны.

Ну и надо учитывать, что я в течение нескольких лет занимался контрразведывательным обслуживанием особо важных объектов Министерства общего машиностроения, где приходилось заниматься и вопросами совершенствования системы физической охраны тоже.

О партии и КГБ

Для меня одним из самых драматических моментов 1991 года был отказ почти 18-миллионной армии членов партии, я не называю их коммунистами, поддержать попытку кучки патриотов сохранить Союз Советских Социалистических Республик. До сих пор так и не проведен серьезный политический и социально-психологический анализ причин этого фантастического феномена.

Это чем-то напоминает мне события в Иране. Там также в один буквально день население поголовно стало ортодоксальными мусульманами, а женщины, получившие прекрасное светское образование в лучших вузах мира, надели чадру.

Я был одним из первых читателей книги Л.В. Шебаршина «Рука Москвы». Именно у ее автора, который был во времена революции аятоллы Хомейни резидентом советской разведки в Тегеране, я надеялся получить ответ на этот непростой вопрос. Но, увы! Это и стало причиной резкого охлаждения наших с ним сначала очень доверительных отношений.

Что-то подобное произошло в конце Второй мировой войны в Италии, когда «в отказ» пошли почти 5 миллионов национальной фашистской партии.

Ну и немного о себе.

Я вырос в семье гуманитариев. Отец – советский офицер, в 1941 году закончил Тамбовское кавалерийское училище и прямым ходом отправился на Западный фронт, под Ленинград, где уже в сентябре получил тяжелое ранение, отлежал в госпитале и вернулся на фронт уже под Москву. Не имея законченного формального высшего образования, он прекрасно разбирался в истории нашего государства, особенно в новейшей. Уже работая в органах государственной безопасности, я не раз обращался к отцу за историческими справками, советами. И всегда получал исчерпывающий ответ.

После нескольких лет скитаний после увольнения со службы он поступил на вечернее отделение исторического факультета Воронежского госуниверситета. Но с третьего курса ушел: «Не интересно!».

Моя родная мать – Величко (Панчук) Шафика Абдулловна родом из г. Буйнакск, перед войной закончила Буйнакское медицинское училище и, получив воинское звание младший лейтенант медицинской службы, ушла на фронт, где и встретила моего отца. Погибла в 1947 году в Прибалтике (по одной из версий) от рук бандитов. Я ее практически не помню.

Воспитавшая меня неродная мать – Величко (Щербашина) Александра Иосифовна – преподаватель русского языка и литературы, завуч, директор школы, заслуженный учитель – была прекрасно образованным человеком.

У нас была огромная домашняя библиотека. Я помню, как многие годы родители, сменяя друг друга, ночами стояли в очередях на подписные издания. И наша библиотека не была украшением гостиной, а была рабочим инструментом отца, матери, а потом и моим с младшим братом. И первые свои заработанные в стройотрядах деньги я в первую очередь тратил на книги. Родительская библиотека досталась младшему брату. Но после приезда в Москву у меня собралась новая, книги из которой легли в основу созданной нами библиотеки Клуба ветеранов госбезопасности.

В ее комплектовании приняли участие многие члены нашей организации – М.С. Докучаев, Л.Е. Оловянная, Н.Д. Маклаков, А.Т. Жадобин и др. Сейчас библиотека Клуба, к великому сожалению, хранится у меня в гараже и на даче. Наши многократные попытки предложить мэру столицы (Лужкову) создать еще одну тематическую библиотеку в Москве так и не увенчались успехом.

Коммунистические убеждения у нас в семье никем и никому не навязывались, но и никогда не оспаривались. Они были естественны, как сама жизнь. Социальная справедливость, когда нет богатых и нет бедных. От каждого по способностям, каждому по труду. Братство народов и т. п. Только идиот или откровенный враг честных людей может оспаривать эти тезисы. Вопрос только в том, что реализовывались они не всегда умно.

Помню, как вступив в пионеры, я в феврале пройдя от школы до дома с расстегнутым воротником пальто, все должны были видеть, что у меня на шее красный галстук, что я – пионер, слег с жестокой простудой. В этот день с Балтийского моря дул ледяной ветер. Это было в военном городке г. Лиепая, Латвийской ССР.

Я всегда гордился своим комсомольским значком, всегда был активистом, всегда был впереди. Хорошо учился, участвовал в самодеятельности, рисовал стенгазеты, был членом комсомольского оперативного отряда и др.

В школе много читал. Если сначала зачитывался приключенческими книгами, интересовался географией, жизнью животных, астрономией, физикой, то в старших классах отдавал предпочтение истории и политике. Часто делал доклады перед классом. Одноклассники любили мои выступления, во-первых, в этот день можно было не учить уроки, а во-вторых, мне удавалось находить в наших книгах много неожиданного и интересного. Из-за чего чуть было не пострадал. Уж очень любил задавать вопросы о наиболее сложных событиях нашего неоднозначного прошлого – Октябрьской революции, Гражданской войне, репрессиях 37-го года и т. п. Своими вопросами и их трактовкой неоднократно ставил нашего преподавателя

истории и обществоведения в тупик. Теперь я понимаю, что не на все из них он мог откровенно ответить перед всем классом, времена были непростые. А я его уличал, ловил на неточностях, односторонних подходах. Цитировал классиков, у которых можно найти убедительное подтверждение для самых противоречивых фактов. И циркуль и курицу можно свести в одну группу, так как у них по две «ноги»

Уже тогда дополнительными источниками нашего «политического самообразования» становились и западные голоса, которые в Прибалтике слышно было очень хорошо. До сих пор помню, как прорываясь сквозь шум глушилок, диктор то ли «Свободы (тогда – «Освобождение»», то ли «Голоса Америки» прокричал: «Нас глушат те, кто боится правды!» Это был очень хорошо выверенный удар «под дых». И, действительно, размышлял я-подросток, если мы не боимся правды, то зачем глушить? Этот вопрос очень долго мучил меня. Не помню сейчас, какой я для себя нашел ответ.

Уже в Воронеже в лице преподавателя истории и обществоведения Ивана Васильевича Тростянского, удивительно, но до сих пор помню его имя-отчество, нажил себе «классового врага». На последнем педсовете, где обсуждался вопрос об оценке поведения учеников, он мою мать – завуча школы довел до слез. «Я считаю, – заявил он, – что Валере Величко мы поставить «пятерку» по поведению не можем – он «антисоветчик». Страшнее обвинения в то время было не придумать. Так можно было поломать человеку всю жизнь. Но коллектив учителей единогласно заступился за меня. Иначе не видать бы мне вуза, а уж тем более КГБ.

Уже через много лет мать, встречая Ивана Васильевича на улице, каждый раз, заявляла: «Иван Васильевич, а мой Валера уже майор Комитета госбезопасности, а Валера уже подполковник КГБ, а Валеру перевели в Москву, а вы говорили – «антисоветчик».

И гордо подняв голову, проходила мимо.

Во времена срочной службы в армии (1964–1967) я возглавлял комсомольскую организацию батареи, артиллерийского дивизиона. Как лучший секретарь комсомольской организации после знаменитых учений «Днепр» в 1967 году был награжден Почетной грамотой и значком ЦК ВЛКСМ. Политотделом Прикарпатского военного округа во время этих учений была даже выпущена листовка: «Берите пример с комсомольца – старшего сержанта Величко!» Совершенно случайно одна из листовок, которые разбрасывали на учениях с вертолетов, упала на броню моей БРДэмки. Мы шли маршем в огромной колонне, и остановиться, чтобы подобрать еще парочку листовок на память, а очень хотелось, естественно, не представилось возможным. И, к сожалению, этот единственный дорогой для меня экземпляр я отдал кадровикам, когда меня «изучали» для работы в органах госбезопасности, и он сейчас, видимо, пылится где-то в моем личном деле. А жалко.

Вернувшись после трех лет срочной службы в родной вуз (Воронежский госуниверситет), я практически каждое лето 1968–1971 гг. работал в студенческих строительных отрядах (ССО «Спартанец»). Мы, бывшие солдаты, направлялись на самые трудные работы, по сути дела, делали стройотряду план.

Летом 1968 года мы с товарищами около двух месяцев просидели в раскаленной печке на кирпичном заводе. «Завод» представлял из себя вырытую в земле глубиной 3–3,5 м, а шириной 4–5 м эллиптическую траншею. В ней «елочкой» на всю глубину и ширину раскладывались отформованные тут же во дворе под навесом кирпичи-сырцы, потом они сверху засыпались углем, который поджигался. Огонь шел по кругу, высушивая и обжигая кирпичи. Вот такой самый сложный технологический процесс, известный, видимо, со времен царя Гороха.

Раздевшись до трусов, надев толстые валенки и такие же рукавицы, мы, бывшие солдаты, а тогда бойцы ССО: Саша Мордвинцев, Виталик Попов и Виталик Гонопольский, забравшись в это адское пекло, выкидывали еще горячие кирпичи на проложенный вокруг траншеи транспортер, а потом с него на кузов автомашины. Особенно трудно было бросать кирпичи со дна. Кирпичи были настолько еще раскаленными, что от них сначала дымились, а потом

и загорались варежки. Гасили их в стоящем рядом ведре воды. Кирпич летел вверх, а пыль и пепел сыпались в глаза (защитных очков, конечно, не было). Ну, а если ты или товарищ у транспортера промахивались, то можно было схлопотать этим кирпичом по голове.

Местные мужичонки, как правило, маленькие и совершенно высохшие от жара, прежде чем забраться в печку, «принимали на грудь чекушечку очищенной» (так они отличали водку от самогона) и страшно удивлялись: как это в трезвом виде люди могут работать в печке по полторы-две смены?

На нашей студенческой стройке, а строили мы, кажется, коровник, ежедневно требовалось 10–12 тысяч кирпича, а печка давала не более 8–9. В конце смены оставшиеся кирпичи были чуть ли не красными, горели и валенки, и рукавицы, но мы стойко выполняли план, от которого зависел заработок всего отряда.

И после этого, еле добравшись вечером до палатки, а работали весь световой день, успевали и проводить политинформации, и готовить номера самодеятельности, и по вечерам даже петь под гитару и танцевать с девчонками. А я – выпускать красочные боевые листки, «Комсомольские прожекторы» и др., которые на региональных конкурсах ССО, как правило, занимали первые места. Молодость великое дело!

Хотя главная цель этих летних работ была, конечно, заработать денег, чтобы можно было продолжить учебу. За лето можно было заработать до 1000 рублей. Тогда это было очень много, инженер получал 100–120 рублей в месяц. На первую стройотрядовскую зарплату я, помню, прилично оделся и купил себе ленточный магнитофон «Чайка».

Жила наша семья, я не побоюсь этого слова, бедно. Все зимы я ходил в летнем плащике или легкой курточке. Отец, попавший в начале 1960-х под сокращение армии, под знаменитый «хрущевский миллион двести», работал комендантом то в рабочем общежитии, то в студенческом и получал пенсию около 70 рублей.

Ему также, как и мне, не удалось дослужить до полной военной пенсии.

Однажды моя старшая дочь попросила помочь ей закрепить на форменной рубашке погоны, она служит в прокуратуре (сейчас начальник следственного отдела одной из межрайонных прокуратур г. Москвы). Закрепляю, а сам думаю. А дадут ли ей дослужить до нормальной пенсии? Или, как дед и отец, попадет под очередную «оттепель» или «перестройку». Удивительное у нас государство!

Небольшой была и зарплата матери, начавшей работать учителем-почасовиком в воронежской средней школе № 7.

А в семье нас было пять человек. С младшим братом и бабушкой, пенсия которой была просто смешной.

Отец не попал в число первых из знаменитого миллиона двести тысяч, и поэтому, оказавшись в Воронеже уже в 1963-м, мы долго не могли найти жилья, хотя незабвенный Никита Сергеевич Хрущев обещал предоставить квартиры уволенным офицерам в течение двух-трех месяцев. Это был очередной его бессовестный бред. Чего только стоит бездумное обещание, что первая фаза коммунизма будет построена к 1970 году, а окончательное его торжество наступит к 1980-му.

После долгих поисков, безуспешных унижительных походов по дворам родители нашли старый дом – времянку в хозяйском дворе на высоком правом берегу реки Воронеж у Чернавского моста на улице Цюрупы.

Стены сырые, покрытые многолетней плесенью. Крыша текла. Во время большого дождя (я уже не помню по какой причине хозяева не дали нам перекрыть крышу) вода заливала пол, который находился ниже уровня земли сантиметров на десять. Постоянно пол был заставлен ведрами, тазами, бабушка тряпкой собирала воду с полуземляного пола. Мало того что за это надо было платить, но и приходилось за свой счет приобретать дрова и уголь для отапливающей времянку печи.

В этой развалюхе мы прожили около трех лет вместо, как я уже говорил, обещанных государством отцу-отставнику, ветерану ВОВ, раненному и контуженному орденоносцу нескольких месяцев. Там, кстати, погибла вся наша рижская мебель, которой очень гордилась мать. Библиотеку, хоть и не всю, с трудом, но все же удалось отстоять.

Пенсий отца и бабушки и зарплаты матери с трудом хватало на питание. Спасало одно – помогали родственники матери. На пароходе из Урыва (село в Острогожском районе Воронежской области, откуда вышли отец, мать и бабушка) нам иногда передавали картошку, лук и др.

Бабушка, неоднократно просеивающая прогоревшие угли, чтобы хоть чуть-чуть съэкономить, неожиданно начала кашлять и буквально за две недели в 1963 году в страшных муках умерла в больнице на моих руках (была моя очередь дежурить около нее) от рака легких.

Естественно, в связи со всем этим отец «оттепели» Никита-кукурузник, а чуть выпив, отец употреблял и более жесткие прозвища, не пользовался в нашей семье авторитетом. Кстати, не знаю у кого как, а у меня слово «оттепель» ассоциируется с голодным существованием, текущей крышей и предсмертными муками моей бабушки. Видимо, проживавшим на Арбатах воспевающим оттепель бардам-«шестидесятникам» это не известно.

Помню еще один показательный эпизод того времени. Сразу по приезде в Воронеж отца, старшего офицера в звании майора, коммуниста пригласили в обком КПСС и предложили возглавить какой-то из отстающих воронежских совхозов или колхозов. Обкомовский инструктор, даже не дослушав доводы отца о том, что он сразу же после школы ушел в кавалерийское училище, а потом на фронт и совсем не разбирается в сельском хозяйстве, в грубой форме предложил ему, если, мол, не согласен, то пусть положит на стол партбилет и может быть свободным. На что отец, заявив, что партбилет он получал в окопах на фронте и не собирается отдавать его какому-то зажавшемуся бюрократу, крепко хлопнув дверью, ушел. Потом он, да и мы все, долго не спали ночами, ожидая ответной реакции, но все обошлось.

Это были первые мои встречи с партией.

Моя неродная мать, Александра Иосифовна, будучи совсем юной девчонкой, она 1925 года рождения, во время войны оказалась с матерью и двумя сестрами «под оккупацией». Их дом сгорел, и так как фронт проходил прямо посередине села, мадьяры (венгры) выгнали всех его жителей, и чтобы не погибнуть с голода, им с матерью приходилось скитаться по окрестным деревням и буквально попрошайничать. Сестры были настоящие русские красавицы, и чтобы они не приглянулись немцам или мадьярам, каждое утро, выходя на поиск пропитания, мать мазала им лица сажей, а руки заставляла держать в воде и земле, чтобы появились «цыпки».

Уже став завучем в липайской школе, мать подала заявление в партию, но столкнулась с подобным же Иван Васильевичем, который на партбюро объявил, что мать не может быть коммунистом, так как она и ее родственники были в оккупации.

Мать со слезами на глазах доказывала, что ей было чуть больше 16 лет и что уйти со своими они не смогли, так как военные патрули, обеспечивая отход наших войск, не пускали гражданских на мост через Дон, который в этом месте очень широк. Течение там было очень сильным и переплыть его не было возможности. Что их отец был на фронте все годы, инвалид по ранению, но этого для бюрократа было недостаточно.

В конце концов, правда восторжествовала, но сколько дома было слез и рыданий.

И это тоже партия.

Надо сказать, что ни отец, ни мать, ни бабушка (1895 года рождения), а она была коммунистом чуть ли не с дореволюционным стажем, никогда не ставили знака равенства между авторитетом партии и ее, даже высокопоставленными, чинушами.

Как уже говорилось, я был секретарем комсомольской организации батареи, дивизиона в армии, в вузе и в Воронежском конструкторском бюро химавтоматики, где работал инженером после окончания университета.

При такой комсомольской активности вопрос о моем вступлении в КПСС, естественно, ставился передо мной неоднократно и в армии, и в студенческие годы.

Но... С годами этих «но» становилось все больше.

Уже в середине армейской службы, будучи младшим командиром-сержантом, я понял, что я все же не физик. По природе мне ближе гуманитарные науки. Готовясь к политзанятиям с солдатами, а мне как бывшему студенту офицеры доверяли их проведение, стал самым активным читателем полковой библиотеки. Меня мало интересовала художественная литература, я зачитывался исторической и политической публицистикой, работами по психологии и социологии. Пытался самостоятельно читать и конспектировать К. Маркса, В.И. Ленина.

Огромное впечатление на меня оказали труды И.В. Сталина, с которыми библиотечка познакомила меня, взяв слово никому об этом не говорить. Поразили меня четкость формулировок, умение просто и доходчиво объяснять сложнейшие вопросы. Позднее, в университете, готовясь к занятиям по философии, я часто, для того чтобы разобраться в сложном материале, пользовался сталинскими работами.

Во времена перестройки мне практически за бесценок удалось на развале купить полное собрание сочинений И.В. Сталина, которым я очень горжусь.

Но в книгах была политическая теория, а в жизни – политическая практика.

Завершать срочную службу в юбилейном, 1967-м, году мне пришлось на Западной Украине: Львов, Дрогобыч, Ковель. В нашем истребительно-противотанковом дивизионе были представлены все народы СССР. Где-то треть – украинцы-«западенцы». Было много представителей Северного Кавказа – чеченцы, адыгейцы, кумыки и др.

1967 год – год пятидесятилетия Советской власти. Именно тогда я впервые столкнулся с отличным от моего отношением к этому празднику, другим пониманием его значения.

В конце лета, я тогда был старшиной на курсах младших лейтенантов в г. Дрогобыче, меня и несколько других сержантов вызвали в особый отдел и поставили перед нами необычную задачу.

Особисты, курировавшие нашу воинскую часть офицеры Особого отдела КГБ, разъяснили, что советская власть на Западной Украине существовала на тот период всего чуть больше 20 лет. Еще не все граждане ее приветствуют, не удалось полностью покончить с бандитским националистическим подпольем.

Этот тезис не вызвал удивления и был понятен. У нас в части были случаи обстрела неизвестными лицами часовых на посту, избиения солдат в увольнении и т. п.

Организация украинских националистов (ОУН), объясняли чекисты, злобный враг советской власти, финансируется и вооружается империалистами. Во время праздника возможны массовые антисоветские выступления. «Мы не должны позволить нашим врагам испортить великий праздник».

Органы военной контрразведки, по словам особистов, рассчитывают на помощь комсомольского актива части. Под командованием офицеров-чекистов были созданы оперативные группы-отделения, в одной из которых я был назначен старшим. Каждой группе придавалась грузовая автомашина. В день «Ч» мы должны были помочь сотрудникам КГБ и милиции «интернировать», тогда впервые я услышал это слово, нескольких наиболее активных оуновцев с членами их семей, т. е. арестовать и вывезти в указанное нам место.

Мы несколько раз проехали по двум адресам, где жили эти активисты ОУН, изучили окрестности, подходы к домам и др.

На курсах учились младшие командиры-сержанты со всех военных округов СССР. Это был призыв 1964 года – последний 3-годовалый призыв на срочную службу студентов вузов. И, естественно, среди сержантского состава слушателей офицерских курсов большинство составляли студенты. Люди с незаконченным высшим образованием, «сдавшие» уже и историю КПСС, и философию, и политэкономия, да и вообще не самые глупые люди.

Естественно, что предстоящее необычное задание вызвало море эмоций, породило массу разных непростых вопросов: причем никто не сомневался в стратегии, в том, что затевается праведное дело, а были озабочены только тактикой: дадут ли нам оружие и боеприпасы, а что делать, если задержанные будут убегать, а что делать, если будут убегать женщины и дети?

Кстати, как я уже сказал, никто не отказался от такого ответственного поручения!

Ночью, сидя в белых солдатских кальсонах на грядушках кроватей, мы часами обсуждали задание, рассуждали, спорили. Украинцы-«западенцы» рассказывали об ужасах НКВД, чеченцы со слезами вспоминали о выселении их родителей с родных мест и т. п. Их к этому делу не привлекали, но у нас в стране тайн не бывает.

Многие их рассказы совершенно с новой стороны показывали историю нашего государства. Это также была не политическая теория, а политическая практика.

Все это накладывалось на небольшой собственный негативный жизненный опыт: пустые магазины, полуголодное солдатское существование, отец-фронтовик, раненный и контуженный, с пенсией в 69 рублей, пытающийся в сорок с небольшим лет начинать жизнь сначала. Ночные сдержанные рыдания матери и др. Смерть бабушки. Да и других примеров было предостаточно.

Все это рождало достаточно скептическое отношение к предложению вступать в КПСС. Чтобы не восстановить политработников против себя, я нашел красивый ответ, спрятавшись за ленинскую цитату: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память всеми знаниями, которые выработало человечество за все время своего существования».

И отвечая на предложение замполита, я настаивал на том, что еще не готов к вступлению в партию, еще не «обогастил свою память...». Моим старшим товарищам явно imponировали такой серьезный подход к решению жизненно важного вопроса и моя критическая оценка уровня своих знаний. На некоторое время они оставляли меня в покое.

А я действительно «обогащал память» – много читал. В один момент увлекся историей религии. Читал «Очерки по истории религии» и «Жизнь Иисуса» Э. Ренана, Коран, Талмуд и др. До сих пор моим друзьям из церковных иерархов, а есть и такие, трудно меня переубедить в моем отношении к вере. Мое неверие, как и отношение к партии, также не было сиюминутным, конъюнктурным, а было выношено глубокими раздумьями.

Я с великим уважением отношусь к вере в Бога как социально-психологическому феномену нашей отечественной истории. Более скептически я отношусь к Церкви, считая ее лишь механизмом поддержания порядка и нравственности в государстве российском, совести в человеке, в частности. Как и любая идеологическая система, как и идеологическая система КПСС она страдает теми же болезнями. Теория, идея прекрасны, исполнители – далеки от идеала и от жизни.

В университете у меня также сложились хорошие отношения с библиотекой, и увидев во мне увлеченного и дисциплинированного читателя, меня стали допускать даже до закрытых для простых смертных фондов. Там я знакомился с русскоязычными изданиями Ницше, Шопенгауэра, Фрейда, Фромма и других философов-классиков. Поэтому я смело могу сказать, что «три источника, три составные части» марксизма-ленинизма я осваивал не по рецензированным размышлениям советских философов типа «Так говорил Заратустра», а по первоисточникам.

А библиотека ВГУ была прекрасной. Не все знают, что наш госуниверситет в мае 1918 года был эвакуирован в Воронеж из г. Юрьева (Дерпта). А Юрьевский университет, бывший Дерптский был учрежден в 1802 году, но первоначальное его возникновение относится к более отдаленным временам. Еще в 1630 году, через 5 лет после занятия Лифляндии шведами, в Дерпте была основана гимназия, которая в 1632 году была расширена в университет под названием *Academia Gustaviana*, получившего все права и преимущества Упсальского.

И эта библиотека с удивительным даже после множества политических чисток книжным фондом была (и есть) уникальна. Сейчас в библиотеке университета, которая является зональной научной библиотекой, только в отделе редких книг находится около 60 тысяч единиц хранения. А всего в библиотеке более 3 миллионов книг и документов.

Говоря о библиотеках, хотелось бы вспомнить добрым словом и библиотеку минских Высших курсов КГБ СССР, в стенах которой я провел немало часов. На старых книгах там можно было увидеть целую коллекцию библиотечных штампов. Начиналось, к примеру, так: Гомельское жандармское Управление, библиотека ОГПУ, штамп Минского гестапо с орлом и свастикой, потом весь спектр – НКВД, НКГБ, МВД, МГБ и, наконец, библиотека Высших курсов КГБ СССР.

Сейчас, наверное, добавился и еще один – Академия национальной безопасности КГБ Беларуси. Вся история многострадальной Белоруссии в библиотечных штампах.

* * *

Но наступил период, когда воспитанный семьей, школой и комсомолом патриотом-государственником, я понял, что должен выбрать свою гражданскую позицию. Или я как американский наблюдатель, сидя на пригорочке, помахивая ножками, критикую всех и вся, и за все. Или, вступив в коммунистическую партию, будучи в ее рядах, активно борюсь за ее обновление, работаю на благо советского государства.

Борьба мотивов «то или это», «быть или не быть» довольно быстро закончилась. Я выбрал первое – быть и, собрав рекомендации и написав душевное заявление, с трепетом направился в Партком КБ химавтоматики, где тогда уже работал.

Но не тут-то было. Мои душевные переживания совершенно не волновали партработников. В Парткоме мне откровенно и нелестно объяснили, что квота для кандидатов в члены КПСС из числа инженерно-технического состава на этот год уже исчерпана и мне надо, если я не передумаю, приходить на следующий год.

Но к тому времени я уже понял, как уже говорил, что есть идеи социализма-коммунизма, а есть партийная бюрократическая практика. Это как в религии. Церковная политика и аморальное поведение отдельного священника никакого отношения не имеют к «вере в Бога». Вера в Бога ли, вера в «дело Ленина – Сталина», вера ли в идеи социализма – коммунизма, в «ельцинскую демократию» – это сугубо личное, даже я сказал бы – интимное дело, зависящее от множества факторов, прежде всего воспитания, образования, интеллекта, совести и др.

Я даже не обиделся, хотя и не собирался в ближайшее время повторять свою неудачную попытку. Жизнь рассудила иначе.

В это время я уже готовился к работе в органах государственной безопасности. Как это получилось – отдельный рассказ.

И когда после встречи с начальником Управления КГБ СССР по Воронежской области генерал-майором Н.Г. Минаевым, где я, отложив на неопределенный срок свою уже подготовленную диссертацию, дал согласие ехать на учебу на Высшие курсы КГБ СССР в Минск, стал вопрос о предоставлении моих партийных документов, кадровики были страшно удивлены. Они и представить не могли, что я не только не член КПСС, но даже и не кандидат в члены партии. Оплошность была быстро исправлена. В Минск я поехал уже кандидатом в члены КПСС. В Парткоме, к удивлению, нашлась необходимая квота для ИТР.

Генерал-майор Минаев Николай Григорьевич, родился 5 декабря 1917 г. в Чембарском уезде Пензенской области. В органах НКВД СССР с 1940 г. Участник Великой Отечественной войны. Будучи офицером Управления военной контрразведки «Смерш», воевал на Брянском и 2-м Прибалтийском фронтах. После войны проходил службу в гг. Горьком, Мурманске, Омске. С

октября 1962 по 1980 г. – начальник УКГБ при СМ СССР по Воронежской области. Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, Октябрьской революции. Умер в 1994 г.

И несмотря на не совсем праведную технологию вступления в КПСС, для меня это было глубоко продуманное, с муками душевными выношенное, не конъюнктурное решение. И даже не глядя на все сложности сегодняшнего дня, я не менял своих убеждений, был и остаюсь коммунистом. Коммунистом – по убеждению. Не зюгановским, не анпиловским и даже не шенинским. Может быть, это звучит излишне патетически, но моя партия у меня в сердце, и я горжусь тем, что многие годы был «бойцом ее вооруженного отряда».

И решение перейти на службу в органы государственной безопасности также не было простым.

Конструкторское бюро химавтоматики – КБХА

Карьера в КБ химавтоматики складывалась на удивление удачно. Помимо текущей работы я занимался внедрением в практику методов оптической голографии, готовился к защите кандидатской диссертации на эту тему. Сдал кандидатский минимум. Научным руководителем у меня должен был быть Генеральный конструктор КБ, дважды Герой Социалистического труда, член-корреспондент АН СССР, доктор технических наук, член бюро обкома КПСС и т. п. Александр Дмитриевич Конопатов. Один из столпов советской космонавтики.

Как вы понимаете, при таком научном руководителе защита диссертации априори должна была пройти успешно. Да и научные материалы мной были подобраны уникальные, проверенные на практике.

А тут неожиданное предложение от УКГБ. Хотя фактически его спровоцировал я сам.

Как я уже говорил, после окончания физического факультета Воронежского госуниверситета я был распределен на работу в особорежимное конструкторское бюро г. Воронежа, которое занималось разработкой жидкостных двигателей для боевых и космических ракет. По установившемуся тогда порядку оно имело и открытое наименование – КБ химавтоматики, и относилось к Министерству общего машиностроения СССР.

Созданное как самостоятельное предприятие в октябре 1941 года в результате разделения при эвакуации из Москвы ОКБ завода № 33 Народного комиссариата авиационной промышленности, КБХА прошло славный боевой путь. Главными конструкторами КБХА с момента его создания были С.А. Косберг и А.Д. Конопатов.

Успешные работы КБ по созданию авиационных ЖРД укрепили его авторитет и привлекли внимание главного конструктора ракетно-космической техники С.П. Королева. Первой разработкой совместно с ОКБ Королева в рекордно короткий срок стал кислородно-керосиновый ЖРД РД-0105 для третьей ступени ракетоносителя «Восток», с помощью которого были осуществлены полеты космических объектов в район Луны и на Луну и др.

Следующей разработкой был кислородно-керосиновый ЖРД РД-0109, с помощью которого, в частности, был осуществлен запуск в 1962 году в космическое пространство первого советского космонавта Ю.А. Гагарина.

Во время моей работы в КБХА, а потом оперативного обслуживания в качестве оперработника УКГБ в КБ велись работы над сложнейшим кислородно-водородным ЖРД РД-0120, который обеспечил надежную работу двигателей в ходе летных испытаний в составе ракетоносителя «Энергия» 15 мая 1987 года и в составе ракетно-космической системы «Энергия – Буран» 15 ноября 1988 года.

Через много лет я, обеспечивая безопасность Горбачева во время посещения им Байконура, столкнулся с этим изделием, в котором была частица и моего инженерного труда.

Огневые испытания разработанных КБХА и изготовленных Воронежским механическим заводом ЖРД проводились на испытательных площадках т. н. «химзавода», располагавшегося в 20 км под Воронежем на берегу красивого водохранилища.

Я попал в 125-й отдел КБХА – отдел измерений.

Исторически КБХА происходило от авиационного КБ, и, как там было принято, наш отдел представлял большой зал с рабочими столами и рядами кульманов. За стоящим в самом центре самым большим столом восседал начальник отдела Владимир Иванович Смыслов, кстати, давший мне рекомендацию в партию.

Молодых специалистов встречали очень доброжелательно, сразу доверяли решение серьезных технических вопросов. И передо мной была поставлена задача разработки прибора, который бы автоматизировал обработку данных от огромного количества датчиков, которыми ракетный двигатель был буквально обвешан во время огневых испытаний. Показатели вибраций двигателя, которые могли привести к его разрушению, записывались тогда осциллографом на километрах фото пленки. Затем эти записи проектировались лаборанткой обычным детским фильмоскопом на настенный экран, где ее помощница простым школьным циркулем измеряла амплитуды – пики синусоид. Этих пиков были тысячи. Получившаяся таким образом информация опять-таки вручную набивалась в кодах ЭВМ на бумажную перфоленту. Была тогда такая форма хранения компьютерной информации. Хотя слово «компьютер» появилось, кажется, позднее. При помощи перфоленты данные заводились в ЭВМ, где и производилась необходимая обработка информации.

На подготовке данных каждого контрольно-выборочного испытания (КВИ) ЖРД и рабочих экспериментов ко вводу в ЭВМ работали десятки молодых девчонок. Их работа была весьма трудоемкой, медленной, а главное – ужасно скучной и неинтересной.

Сначала я попытался остаться в рамках аналоговых методов с использованием стандартных измерительных приборов, но постепенно понял, что необходимые результаты можно получить только переведя данные в цифровую форму.

Для выделения и измерения каждого пика синусоиды я решил использовать схему сравнения на триггерных цепочках. Электронная схема сравнивала предыдущий и последующий сигналы, выделяя, таким образом, пик кривой, затем измеряла его и записывала (набивала) показания прямо на перфоленту.

Блок триггеров, собранных на примитивных транзисторах на толстой гетинаксовой плате, был громоздок и малонадежен. Да и стыдно было работать таким диким дедовским методом.

Кстати, моя несостоявшаяся диссертация, если немного упростить, имела название: «Использование методов оптической голографии для выявления мест возможного разрушения сопла ЖРД». Предполагалось в ходе огневых испытаний вообще избавиться от датчиков вибраций и всего описанного мной сложного процесса. Ведь сами достаточно объемные датчики, которых был не один десяток, приклеенные на сопле ЖРД и предназначенные для работы при температурах чуть ли не от абсолютного нуля до тысяч градусов (плюс) по Цельсию, были весьма массивными и вносили существенные погрешности в результаты измерения.

В то время электронная промышленность страны только-только начинала разрабатывать и производить интегральные полупроводниковые схемы. Так как я изначально задумал использовать для своей разработки только самые современные комплектующие, то уговорил своего уважающего все новое начальника отдела В.И. Смыслова послать меня в командировку в подмосковный Зеленоград, являвшийся тогда центром наиболее продвинутых разработок в области полупроводников. Я предполагал ознакомиться с наиболее перспективными образцами электроники. Но все оказалось не так просто.

Мое КБ относилось к Министерству общего машиностроения, а предприятия Зеленограда – к Министерству электронной промышленности. И несмотря на то что у меня была

высшая форма допуска к секретам, там, если вы помните межведомственные барьеры, меня приняли не очень доброжелательно.

Но, слава Богу, все закончилось удачно, и я приехал домой, имея в кармане, вопреки всем режимным правилам, горсть секретных тогда интегральных схем. Главное в моем «шпионском деле» было добраться до рядовых работников. Инженер всегда поймет инженера.

По приезде в КБ я в самой эмоциональной и красочной форме рассказал о своих «шпионских» похождениях, не зная, что один из присутствовавших при моем докладе товарищей – Владимир Николаевич Хаустов раньше работал в КГБ, откуда уволился по здоровью.

Теперь я понимаю, что мне повезло попасть на умного человека. Бывших чекистов не бывает. К моему счастью, он доложил своему руководству не о «проявлении инженером Величко неоправданного интереса к государственным секретам», т. е. признаках шпионажа, а о моих способностях проникать к этим самым секретам. И меня, как мне стало известно позднее, не стали разрабатывать по подозрению в измене Родине в форме шпионажа, а стали изучать для возможного использования по линии «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ.

Через пару дней раздался телефонный «звоночек очень длинный» и строгий голос пригласил меня «подойти в отдел кадров в самый угловой кабинет, дверь которого оббита дерматином».

Там я впервые познакомился с настоящим оперативным работником советских органов государственной безопасности. Строгий и внимательный, не разу не улыбнувшись, он, Борис Григорьевич М., еще раз прослушал мой веселый рассказ о «шпионских похождениях» в Зеленограде. Осуждающе, как мне показалось, покивал головой и задал вопрос: «Ну а у нас в КБХА, как вы считаете обстоят дела с режимом и сохранением государственных секретов?» Я попытался что-то ответить, но понял, что тема для меня совершенно новая, и чтобы мой ответ не был уж совсем дурацким, я попросил дать мне пару дней на размышления.

Отнесся к этому делу очень серьезно. Как помню, нашел в своей библиотеке книгу Жака Бержье «Промышленный шпионаж», внимательно ее проштудировал. Покопался в университетской библиотеке. Почитал мемуары наших и зарубежных разведчиков, хотя тогда их было совсем немного. Моих знаний, личных наблюдений и раздумий хватило на 24 страницы машинописного текста. Кстати, этот, как я его называю, реферат практически без исправлений использовал позднее как курсовую работу на Высших курсах КГБ, и он прошел на «ура».

Теперь мне ясно, что в УКГБ с первых минут меня рассматривали не как кандидата на вербовку как рядового агента или в качестве доверенного лица, а как кандидата на службу в органы безопасности.

Потом надо было выполнить несколько оперативных заданий.

Например, выяснить военный послужной список одного из ветеранов войны, не возбудив у него подозрений. Нужны были номера воинских частей, где он служил в годы войны.

Я под видом проводимого якобы горкомом комсомола социологического опроса о потребностях жильцов дома, в котором он проживал, соблазнив для конспирации поучаствовать в этом деле пять-шесть моих товарищей (они пошли в другие квартиры), появился перед строгими очами, как оказалось, неразговорчивого объекта моего изучения.

Предполагая это (мой отец, например, никогда не рассказывал о войне), нашел способ разговорить его. Тогда только появились мемуары Г.К. Жукова, за которыми гонялись все фронтовики. Выпросил книгу у отца. Пытаясь якобы найти опросную анкету, «случайно» выложил в прихожей из портфеля на журнальный столик кучу бумаг и книгу в том числе. Надо было видеть глаза ветерана. Немного для вида поупиравшись, мол, отец убьет, если узнает об этом, дал ветерану книгу на пару дней и договорился о будущей встрече. Вторая встреча проходила уже за рюмкой чая за прекрасным столом. Оставалось только не забыть его красочных рассказов и запомнить номера воинских частей. Оценка была – «отлично».

Однако по независящим от меня, как я узнал позднее, обстоятельствам, кадрам Воронежского УКГБ нужно было срочно закрыть разнарядку от минских Высших курсов, а кандидат на учебу попал в вытрезвитель после празднования своего «перехода на работу в органы КГБ». Вопрос о кандидате на работу в Управлении «С» ПГУ КГБ не был таким спешным, а разнарядку на Курсы надо было выполнять раньше, и вместо разведки я оказался в контрразведке. О чем, честно говоря, не жалею.

Заместитель по кадрам Председателя КГБ СССР генерал-полковник В.П. Пирожков, с которым после 1991 года мы сотрудничали по ветеранским делам, позднее рассказывал, что мои бумаги о переводе из резерва ПГУ пришлось подписывать лично ему.

Такое серьезное жизненное решение, как переход на службу в Комитет госбезопасности, я, конечно, не мог принять, не посоветовавшись с отцом.

«Ты знаешь, службу в Комитете госбезопасности предлагают лишь один раз, а диссертаций ты в жизни можешь защитить сколько угодно. Мне тоже в 1943 году предлагали поехать учиться или в школу СМЕРША, или в Краснознаменную Высшую офицерскую кавалерийскую школу им. С.М. Буденного. Я выбрал армейскую школу, о чем очень жалел потом. Хотя в офицерской школе я учился по специальности помощника начальника штаба кавалерийского полка по разведке и оперативной работе.

При всем разном, что говорят об НКВД-МГБ, а теперь КГБ, я всегда с большим уважением относился к чекистам. Не раздумывай, соглашайся! Зная тебя, я думаю – там ты будешь на месте».

И уже через пару дней я в форме лейтенанта-связиста расхаживал по прекрасным улицам столицы Белоруссии, будучи слушателем минских Высших курсов КГБ СССР, которые готовили контрразведчиков из «лиц, уже имевших высшее образование и опыт работы на гражданке».

Вернувшись через год в Воронежское управление КГБ СССР, я начал оперативно обслуживать свое родное Конструкторское бюро. Сначала – загородную испытательную площадку КБ – «химзавод», а потом серийный завод – Воронежский механический и др.

На «химзаводе» приходилось расследовать причины аварий ЖРД, взрывов двигателей на стендах при огневых испытаниях, проявления его работниками того самого «неоправданного интереса к закрытой информации» (подозрение на шпионаж), розыска утраченных секретных и совсекретных документов и др.

По ходу дела нанюхался вреднейших химикатов – и амила (окислитель), и гептила (ракетное топливо), до сих пор иногда печень барахлит.

Но, наверное, сложнее всего было восстановить хорошие отношения с самолюбивым Главным конструктором Александром Дмитриевичем Конопатовым, который был очень обижен моим уходом в КГБ. Руководитель моего диплома в ВГУ и практики в НИИПМ (НИИ полупроводниковых материалов), которого я рекомендовал на свое место в КБХА, не показал себя, и работы по использованию голографии в двигателестроении у нас в КБ, к сожалению, насколько я знаю, так и не получили развития. В любом деле нужен энтузиаст.

Дальше было много разного и не менее интересного.

Особенность работы в местных органах госбезопасности состоит в том, что каждый офицер-контрразведчик-многостаночник занимается и агентурно-оперативной работой по всеми линиям от саботажа и шпионажа до политического сыска, проводит весь комплекс оперативно-технических мероприятий, организует наружное наблюдение за объектами проверки и разработки, выполняет поручения следователей, участвуя в расследовании уголовных дел, входящих в компетенцию КГБ, и многое др.

Опыт приобретается богатейший и разноплановый. Это также требует отдельного подробного рассказа. Об этом уже многие мои коллеги очень интересно рассказывали.

В 1980 году я с должности заместителя начальника отделения – начальника информационно-аналитической группы (ИАГ) Воронежского управления КГБ СССР в воинском звании майора был с повышением переведен в Москву в Центр, в Главное управление контрразведки.

Через пару лет сотрудники отдела избрали меня секретарем партийной организации, а еще через три я был инструктором Парткома КГБ СССР.

О Парткоме КГБ СССР

Учитывая специфику их работы, с первых дней существования структур ЧК – ВЧК – ГПУ советские органы государственной безопасности являлись «вооруженным отрядом партии» и, естественно, комплектовались только из членов и кандидатов в члены КПСС и комсомольцев.

Всероссийская перепись населения в августе 1918 года показала, что в центральном аппарате ЧК коммунисты уже тогда составляли 52,2 %. Позднее эта цифра была значительно больше.

9 января 1959 года Протоколом № 200 заседания президиума ЦК КПСС было утверждено Положение о КГБ и его органах, где однозначно определено: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства...»

Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС. Руководящие работники органов государственной безопасности, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, утверждаются в должности Центральным Комитетом КПСС. Работники, входящие в номенклатуру местных партийных органов, утверждаются в должности соответственно ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами КПСС».

Принцип политического руководства ВКП(б) – КПСС советскими органами государственной безопасности был одним из основополагающих в организации всех сторон их жизни и деятельности. Партийные органы, правда, не имели права вмешиваться только в оперативную деятельность.

Поэтому мне противны страусиная политика и откровенные спекуляции бывших офицеров, а то и генералов КГБ, о том, что они, мол, были «служивыми». Не «служивыми» вы, господа, были, а коммунистами-чекистами. Если действительно вы себя таковыми считали? Даже сержант-командир отделения в армии, имевший 8–10 подчиненных, был по большому счету не «служивым», а воспитателем преданности государству, а значит, в какой-то части – политработником.

Партийная организация ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – КГБ СССР всегда представляла из себя многотысячный партийный коллектив, построенный в соответствии с требованиями Устава КПСС по сложной иерархической схеме.

В разные времена были разными роль и авторитет Парткома КГБ в жизни органов государственной безопасности.

Лаврентий Берия, как мы знаем, все служебные вопросы решал единолично. Коллегия министерства бездействовала. Назначения на важнейшие посты и в центральном аппарате министерства, и в республиканских МВД он решал самостоятельно, даже не согласовывая с ЦК КПСС. Секретаря Парткома он просто не принимал.

Во времена моей службы, в 1970–1990-е годы, в зависимости от числа сотрудников в подразделениях местных органов и центрального аппарата КГБ СССР имелись самостоятель-

ные парткомы с правами райкомов (в Центре – всего 22). Например, Первого Главного управления (внешней разведки) или Второго Главного управления (контрразведки) и др. В более мелких подразделениях были партийные организации, руководили которыми партийные бюро во главе с секретарем, как правило, не освобожденным, как это было у нас в 13-м отделе 2ГУ. В войсковых подразделениях КГБ имелись Политотделы воинских частей. Исключение составляли Пограничные войска, партийной работой в которых также руководил партком, парторганизация № 44.

Основным исполнительным органом, руководящим всей текущей работой нижестоящих партийных организаций, был Партком КГБ СССР, или, как он назывался, – «Большой партком».

«Большой партком», обладавший правами обкома, замыкался на Отделе административных органов ЦК КПСС, руководимом тогда членом ЦК КПСС генерал-полковником Н.И. Савинкиным.

Помимо секретаря Парткома КГБ СССР А.Б.Суплатова и двух его заместителей – А.А. Тараканова и Е.В. Муравьева было еще 16 членов бюро Парткома и около 50 членов Парткома. Членами Парткома были, как правило, руководители основных подразделений КГБ.

***Генерал-майор Суплатов Александр Борисович** родился 18 июля 1931 г. в г. Джамбуле. В органах госбезопасности с 1967 г. – помощник – заместитель начальника Управления по кадрам, начальник Управления КГБ СССР по Тульской области. В Центральном аппарате КГБ с 1976 г. Начальник подразделения – начальник Управления кадров Комитета.*

1982–1989 гг. – секретарь Парткома КГБ СССР.

Начальник Мобилизационного отдела КГБ СССР, а потом – председатель Совета ветеранов подразделения. Почетный сотрудник госбезопасности, имеет государственные награды. Скончался в июле 2010 г. в Москве.

Структурно Партком КГБ СССР не отличался от подобного рода партийных органов и состоял из отделов организационно-партийной и кадровой работы, идеологического (с кабинетом политического просвещения) и общего, а также сектора партийного учета.

Отдел организационно-партийной и кадровой работы, в котором я имел честь служить инструктором с 1985 года, по праву считался основным отделом, особенно в вопросах внутрипартийной жизни. Среди его многочисленных функций выделялись: наблюдение за работой партийных комитетов и организаций подразделений, оказание им помощи, изучение и обобщение их опыта, подготовка материалов к их отчетам на заседаниях Парткома КГБ и др.

Для распространения положительного опыта Парткомом издавался совершенно секретный «Бюллетень», редактором которого я был около года. Бюллетень рассылался в партийные организации главных и самостоятельных управлений и отделов, которых было около 50. Кажется, 5–6 экземпляров шли в адмотдел ЦК КПСС. Дополнительной для меня нагрузкой также была работа по отслеживанию хода отчетно-выборной кампании в организациях Комитета, ведение ее секретной – «особой важности» статистики.

Одним из важных направлений в деятельности отдела, как это видно из полного его названия, была кадровая работа. В соответствии с упоминавшимся уже Положением о КГБ и его органах на местах: «Перемещение работника, состоящего в номенклатуре ЦК КПСС или местных партийных органов, с одной должности на другую может быть произведено только после решения ЦК КПСС или местных партийных органов».

Работая в тесном контакте с руководителями подразделений и их кадровыми аппаратами, отдел участвовал в подборе, расстановке и воспитании кадров, осуществлял меры по улучшению качественного состава кадров на различных участках работы, совершенствованию системы их подготовки и переподготовки.

Боевым штыком подразделений Парткома в этом деле являлись штатные инструкторы, вместе с руководством отдела их было всего 12 человек, которые курировали конкретные партийные организации Комитета госбезопасности.

Так, работая с 1985 по 1986 год освобожденным инструктором отдела организационно-партийной работы «Большого парткома», я кроме партийных организаций родного мне 6-го (экономического) Управления, которое к тому времени уже выделилось из Второго Главка в самостоятельное, и Следственного отдела Комитета курировал многотысячную парторганизацию 9-го Управления КГБ СССР, знаменитую «Девятку».

По правилам, при назначении коммуниста на вышестоящую должность, при направлении в заграничные командировки и т. п. подразделением готовилась партийно-служебная характеристика, которая обязательно визировалась инструктором-куратором у секретаря Парткома КГБ. При этом инструктор обязан был убедиться в ее объективности. Участие в кадровой работе, где его мнение почти всегда было решающим, способствовало авторитету инструктора в подразделениях.

В Комитете госбезопасности, может больше, чем где либо, кадровая работа рассматривалась не просто как важное дело, но как поистине решающее условие осуществления коммунистами-руководителями всей политики партии.

Идеологический отдел, как и следует из его названия, занимался агитацией и пропагандой, разъясняя членам партии идеологию государства, государственной политики, роль в ней Комитета государственной безопасности, вел индивидуально-воспитательную работу в чекистских коллективах, воспитывая бойцов «вооруженного отряда партии» в духе патриотизма и преданности Родине. Отвечал за наглядную агитацию и вел культурно-просветительскую работу и др. В состав отдела, как уже было сказано, входил также Кабинет политического просвещения.

Общий отдел под руководством полковника-пограничника С.Н. Романова выполнял функции Секретариата, в его штатах находились и финансовые работники, ведущие бухгалтерию Парткома.

«Большой партком» руководил также работой Комитета ВЛКСМ и Объединенного комитета профсоюзных организаций КГБ СССР.

По роду своих инструкторских обязанностей мне приходилось участвовать в подготовке партийных активов 6-го и 9-го Управлений и Следственного отдела, а также их основных подразделений, руководить комиссиями по проверке различных направлений жизни и деятельности огромных и разноплановых коллективов, рассматривать жалобы и заявления сотрудников, готовить партийные характеристики и т. п.

С легкой руки начальника 9-го Управления генерал-лейтенанта Юрия Сергеевича Плеханова, глубоко партийного человека, я был одним из первых инструкторов Парткома КГБ, который в полной мере был допущен к специфическим секретам правительственной охраны.

И постепенно из-за завесы не всегда обоснованной секретности вырисовывалось представление о непростой работе подразделения, о его людях.

В соответствии со сложившейся практикой по завершении любых партийных форумов (собраний, заседаний Парткома, партактивов и др.) присутствовавший на них инструктор был обязан выступить и от имени вышестоящей парторганизации дать оценку проведенному мероприятию.

Это было не только непростое, но и опасное занятие. Если говорить о партийных активах 9-го Управления, проходивших обычно в актовом зале Кремлевского полка в Арсенале, на которых присутствовало тысячи полторы коммунистов, а в президиуме сидел весь многозвездный генералитет, как правило, возглавлявшийся одним из заместителей Председателя КГБ (Г.К. Цинев).

Выступление обязательно должно было содержать критические замечания и конкретные предложения по работе. Ошибаться было нельзя. Даже в КГБ генералы критики не любят. За любой ошибкой, неточностью или некорректным высказыванием мог последовать звонок секретарю Парткома: «А Ваш инструктор..!», а то и самому Председателю. Но и беззубость инструктора не приветствовалась секретарем Парткома, и расправа могла прийти с разных сторон и быть короткой.

Вот так и приходилось ходить по лезвию ножа.

С Юрием Сергеевичем меня сблизил один случай. На одном из партийных активов, посвященных совершенствованию служебной деятельности Управления, с часовым докладом, приправленным огромным количеством цитат из давно умерших и еще живущих классиков марксизма-ленинизма, выступал один из заместителей начальника, генерал-майор С.

В течение 40 минут он подробно рассказывал о сложной международной обстановке, о размещении ракет средней дальности в Европе и т. п. И лишь 10–15 минут были посвящены основному вопросу. Естественно, что за это время сложно было его в полной мере «осветить». Не было упомянуто ни одной фамилии, не высказано ни одного критического замечания, а также не было ни одного рационального предложения.

На партийном мероприятии присутствовал генерал армии Г.К. Цинев, имевший большой опыт партийной работы с Л.И. Брежневым еще в Днепропетровске, а потом в армейских полит-отделах на фронтах Великой Отечественной. Кстати, его жестких бескомпромиссных оценок, а иногда и глубоко предвзятых, боялись в КГБ буквально все. После них слетели погоны не у одного большого начальника.

Генерал армии Цинев Георгий Карпович родился 5 мая (по ст. стилю 22 апреля) 1907 г. в г. Екатеринославе. В 1934 г. окончил Днепропетровский металлургический институт. С 1939 г. – на партийной работе в Днепропетровске, секретарь Ленинского райкома партии, второй секретарь Днепропетровского городского комитета партии. Призван в Красную Армию в ноябре 1941 г., ветеран Великой Отечественной войны.

С 1953 г. – на руководящей работе в органах государственной безопасности. С февраля 1966 г. – начальник 3-го Главного управления КГБ (военная контрразведка). Член коллегии КГБ с 24 мая 1967 г. С августа 1970 г. – заместитель Председателя КГБ при СМ СССР, а с января 1982 г. – первый заместитель Председателя КГБ СССР.

Доверенное лицо Л.И. Брежнева в Комитете госбезопасности. Скончался 31 мая 1996 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Стремясь не нарушать уставные требования – не покушаться на авторитет коммуниста-руководителя, стремясь не обидеть заслуженного генерала, я в своем выступлении отделался небольшими общими критическими замечаниями, а президиуму предложил обсудить мероприятие приватно, естественно, в присутствии докладчика.

В кабинете Ю.С. Плеханова в присутствии докладчика-генерала С., заместителя секретаря Парткома Управления Ч. и «ужасного» Георгия Карповича я провел нелицеприятный разбор мероприятия с подробным хронометражем доклада. Благо в зале полка напротив президиума прямо передо мной висели огромные настенные часы.

Моя судьба и карьера, я понимал, повисли на волоске и зависели от того, согласятся ли с моей оценкой Цинев и Плеханов.

Слава Богу, все обошлось! Цинев даже выразил мне свою благодарность, отметив, что я как потомственный военный, проявил деликатность, следуя воинскому уставу, не обсуждать командира при подчиненных.

Генерал-докладчик, уходя, крепко хлопнул дверью и матерно выругался в адрес заместителя секретаря Парткома: «Что же ты... мне такой доклад подсунул..!»

Потом, во время почти полуторагодовой совместной работы в «Девятке», генерал (он умер от аппендицита) принципиально со мной не разговаривал и демонстративно отворачивался, проходя мимо.

После этого моего «подвига» уважение мое к Юрию Сергеевичу возросло многократно, а он, я думаю, именно тогда обратил на меня особое внимание.

***Генерал-лейтенант Плеханов Юрий Сергеевич** родился 20 мая 1930 г. в г. Москве. Образование высшее – преподаватель истории. 1951–1967 гг. – работа в комсомольских и партийных органах. Последняя должность – секретарь Секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова.*

В органах КГБ СССР с 1960 г. – старший офицер приемной Председателя КГБ при СМ СССР. 1970–1983 гг. – начальник 12-го отдела КГБ при СМ СССР и КГБ СССР.

1983 г. – август 1991 гг. – начальник 9-го Управления КГБ СССР, Службы охраны КГБ СССР.

Почетный сотрудник госбезопасности. Награжден орденами: Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета. Имел 11 медалей. Умер 10 июля 2002 г. Похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

Что вы думаете о надежности охраны Кремля?

И вот однажды, через пару месяцев после обсуждения итогов проходившего в «Девятке» очередного партийного актива, Юрий Сергеевич Плеханов пригласил меня в комнату отдыха своего кабинета, где на столе стояли бутылочка хорошего коньяка и тарелка с тонко нарезанным лимончиком. Пристально глядя на меня в глаза и хитро улыбаясь, он задал мне непростой вопрос: «Валерий Николаевич, вот Вы уже около года работаете с нами, а что Вы думаете о надежности охраны, например, Кремля?»

Очередная проверка моей принципиальности и профессионализма, подумал я, но решил не изменять себе. Предупредив, что мое видение проблемы, естественно, непрофессионально и сугубо субъективно, я изложил свое мнение, которое опять-таки было достаточно критичным.

При этом я ссылаясь на собственный (около 10 лет) опыт оперативного обслуживания хорошо охраняемых особо важных ракетостроительных объектов г. Воронежа, на свои американские «олимпийские» наблюдения и др.

Основная мысль состояла в том, что, по моему мнению, охрана Московского Кремля в тот период была рассчитана лишь на пресечение незаконных непрофессиональных проникновений на его территорию. Не была предусмотрена ни серьезная техническая защита (кроме охранных сигнализации и телевидения), ни силовая (войсковая) защита объекта не только от профессиональных диверсионно-террористических групп, которые уже имелись в составе спецслужб многих стран, но и от возможных доморожденных террористов. А тогда мы уже имели знаменитые взрывы в метро, захваты самолетов и др.

Надо было учитывать, что в СССР хватало бывших военнослужащих МО, КГБ, МВД, обстрелянных в Афгане и других странах мира или хуже того (для охраны и правоохранительных органов) имеющих спецназовскую подготовку.

Некоторые из них потом достаточно «эффектно» показали себя в лихие 90-е.

Но все же большая и наиболее профессионально подготовленная их часть в результате тщательного отбора и систематического воспитания командирами и политработниками имела серьезные убеждения и нравственные устои. Знаменитые кагэбэшные «Альфа» и «Вымпел» в октябрьские дни 1993 года, несмотря на приказ самого ЕБНа и обещания хорошего денежного и другого вознаграждения, не допустили кровопролития при взятии Дома Советов. Воспитание и чекистские нравственные устои взяли верх.

Хотя и в советские времена, особенно в рядах МВД, хватало «героев» – профессионалов-беспредельщиков.

В период первого противостояния народа и ельцинской власти 1 мая 1993 года я встретил на Ленинском проспекте с трудом переставлявшего ноги избитого Ю.С. Плеханова, которого под руки вела домой жена, Руфина Павловна. Они возвращались с митинга в районе площади Гагарина, который был жестоко разогнан московской милицией и ОМОНОм. ЮС получил тогда несколько ударов дубинкой по больным почкам. Озверевшие милиционеры и омовцы, со щитами и дубинками наперевес, молотили тогда всех подряд, не разбирая старых и малых.

Я не удержался и съехидничал: «Юрий Сергеевич, а омовцы-то еще наши – советские. Видимо, обули, одели, откормили, хорошо вооружили, научили их как бить, но забыли рассказать – кого и за что!»

В ответ услышал привычное: «Ну ты, Величко, как всегда..!»

Сегодня в России ситуация еще страшнее. Практически каждое министерство и ведомство выпестовало свой собственный спецназ, который, к сожалению, как и раньше, учат сначала бить и стрелять, а лишь потом разбираться «кого и за что».

Яркий пример – беспредел «команды Лысюка («Витязь»))» в те же октябрьские дни 1993 года в Останкино. До сих пор помню беспорядочный огонь выискивающих жертвы БТРов. На одном из металлических столбов перед зданием телецентра, за которым я прятался в тот вечер, остались отметки от пуль бывших «дзержинцев».

По количеству бойцов, вооружению, оснащению, материальному и денежному обеспечению эти карманные армии уже давно, по-моему, переплюнули и Российскую Армию, и Военно-Морской флот, и ВВС.

Видимо, есть чего власти бояться? Не отстает от государства и большой бизнес, и вездесущий криминал. Давно уже нет независимых частных охранных предприятий, все ЧОПы при ком-то: при «Газпроме», «Лукойле», «Роснефти» и т. п., при «солнцевских», «долгопрудненских», «таганских» и т. п.

В различного рода частных школах вы можете встретить инструкторов из «Альфы», «Вымпела», спецназов ГРУ и даже «специалистов» из Израиля, США и др.

Стремится иметь свои ЧОПы, как я сказал, и каждая уважающая себя ОПГ.

Говорил я тогда, в середине восьмидесятых, также о том, что не решены правовые вопросы использования охраной огнестрельного оружия и специальных средств. Привел пример, когда грузовик с пьяным водителем, пробив чугунную ограду у Кутафьей башни, прорвался через Троицкие ворота на Ивановскую площадь Кремля и долго колесил по ней. Сотрудники охраны, размахивая малокалиберными пистолетами ПСМ, бегали рядом с машиной, угрожая и матерясь, но так и не решились открыть огонь на поражение. «Чекистско-войсковая операция» закончилась, когда в бензобаке автомашины-нарушителя иссяк бензин и пьяный водитель просто вывалился из кабины. Хорошо, что это были другие времена и это не была начиненная взрывчаткой автомашина с водителем-смертником.

Да и психология сотрудников охраны была другой.

Были с моей стороны и конкретные предложения, «чтобы я сделал, если бы...»

(Позднее некоторые из них были внедрены).

Предложение, от которого невозможно отказаться

Не прошло и недели. Поздно вечером я сидел в своем кабинете в Парткоме и с 8-го этажа любовался мокрыми московскими крышами, старинным из красного кирпича зданием телефонной станции.

Зазвонила АТС-2 – «кремлевка». Плеханов. «Валерий Николаевич, Вы еще на работе? Не могли бы приехать в Кремль? Моя машина ждет Вас внизу».

В голове (ехидное): «А если так, то чего тогда было спрашивать мое желание?»

Разговор на «Вы», странно, после того моего «подвига» он всегда доверительно обращался ко мне на «Ты», «Валерий» – уж больно велика была разница между нашими воинскими званиями, положением, да и возрастом?

Значит, что-то серьезное! Вроде бы больших проколов за последнее время у меня не было?

Действительно, перед входом в Партком на Малой Лубянке (теперь) стоит под парами начищенная «Волга-3102» МОЛ 00–09. В кабине тепло, играет музыка, запах кофе и хорошего парфюма.

Моросит легкий дождичек. Несемся по ярко освещенной ночной Москве, форсированный движок работает практически неслышно. Милиция, увидев номера, вытягиваясь во фрунт, отдает честь.

Прокатив по улице Куйбышева, машина по сверкающей под дождем брусчатке влетает через Спасские ворота в Кремль. Прямо над нами громко бьют куранты.

Такое я раньше видел только в кино.

Паркуемся на Ивановской площади, встав в ряд таких же отполированных водителями и дождем красавиц.

Подсвеченные прожекторами сверкают Иван Великий, купола кремлевских храмов. Царь-колокол и Царь-пушка... Впечатление незабываемое. Умеет Юрий Сергеевич психологически подготовить человека к беседе!

В 14-м корпусе (его название я узнал позднее) Кремля благоговейная тишина, звуки шагов скрадываются широкой красной «кремлевской» дорожкой. Пахнет хорошим табаком. ЮС был заядлым курильщиком, курил только настоящий «Кент». Позднее мне этот запах сигнализировал о том, что начальник на своем рабочем месте.

В приемной тоже тишина, полумрак и бдительный секретарь-тезка, Валерий Николаевич.

ЮС встречает меня у дверей своего кабинета. Сегодня разговор официальный за его рабочим столом. На столе – крепко заваренный чай и знаменитые «кремлевские» сушки, большие, тонкие и чуть сладковатые.

Честно сказать, я не мог терпеть эти чаепития. От крепкого чая на голодный желудок, а угощения почему-то были именно в таком состоянии, меня обычно тошнит. А отказаться от них, если предлагает, например, Председатель КГБ, секретарь Парткома КГБ или начальник 9-го Управления, – нахальство. Ведь это – знак доверия и уважения. Вот и приходилось терпеть, чтобы не обидеть.

Начинает без предварительной подготовки: «Валерий Николаевич, я предлагаю Вам поработать в 9-м Управлении. Для «чекизации» Управления, превращения его из военизированно-силового и во многом – хозяйственного в серьезное оперативно-чекистское подразделение мне сейчас нужны опытные кадры из оперативных подразделений Комитета госбезопасности.

Работа предстоит большая. Требуется серьезной проработки буквально вся законодательная и нормативно-правовая основа деятельности Управления. Устаревшие документация и порядок сегодня порождают массу негативных моментов: длительное согласование на самом высоком уровне вопросов о правомерности и порядке действий сотрудников, например по пресечению действий нарушителей, применения оружия и спецсредств и т. п. Все это приводит к запаздыванию, в частности, оснащения подразделений современным оружием, средствами защиты, оперативной техникой.

Нам необходимо отказаться от экстенсивных путей решения оперативных задач, сделать ставку на маневрирование силами и средствами. Необходимо подумать о широком внедрении в практику последних достижений науки, техники и современных технологий. У пограничников в ГУПВ, например, решается вопрос о создании Службы научного обеспечения деятельности погранвойск. А почему бы нам об этом не подумать? Да и многое другое.

Я уже давно наблюдаю за Вами. У Вас за плечами хорошее университетское естественно-научное образование, это если говорить о научном обеспечении охранной деятельности. Неплохое знание работы местных органов КГБ, что будет важно при подготовке поездок охраняемых лиц по стране. Ваш опыт работы в выездном отделе Главного управления контрразведки в тесном контакте с разведывательными подразделениями Комитета, поездки за рубеж будут важны при подготовке зарубежных визитов.

Пригодится опыт Вашего руководства аналитическим подразделением в воронежском Управлении КГБ и информационно-аналитической работой в 13-м отделе ВГУ, умение готовить серьезные аналитические документы. У нас это все только в зачатке. Необходима система прогнозирования угроз в отношении охраняемых лиц с использованием АИС ГВЦ (автоматизированных информационных систем Главного вычислительного центра) КГБ СССР.

Ну а работа в Большом парткоме, как я убедился, дала Вам не только понимание роли Комитета госбезопасности в политике страны, знание его структуры, но и умение работать с людьми и знание положения дел в нашем Управлении, его кадров.

Важно также, что Вас лично знает и положительно оценивает Ваш труд руководство Комитета госбезопасности и многих его подразделений».

Лестно было слышать подобные слова.

Было видно, что он хорошо ознакомился с моей оперативной биографией и результатами прежней работы, и не только в КГБ.

Но, откровенно говоря, у меня тогда были совершенно другие жизненные планы.

13-й отдел Главного управления контрразведки

До прихода в Партком, являясь заместителем начальника отделения в 13-м отделе 2-го Главного управления (главного управления контрразведки) КГБ СССР, я занимался «борьбой с изменой Родине на канале выезда советских граждан за рубеж», а также организацией контрразведывательной работы на канале выезда советских граждан за рубеж по частным делам.

Моей «клиентурой» были известные предатели-невозвращенцы типа Нуриева, Барышникова, Ростроповича, Вишневской, Шостаковича, Любимова (по линии культуры) и другие изменники рангом ниже.

Надо сказать, что ежегодно, вопреки бытующим мнениям о том, что якобы из СССР за границу бежали толпами из многомиллионного числа советских граждан, выезжающих за рубеж по линии экономических связей, научно-технического обмена, культуры, спорта и по частным делам, что относилось к компетенции нашего подразделения, от возвращения в СССР отказывались не более 25–30 человек. (В 1985 году на всех каналах выезда отказались возвратиться в СССР всего 35 человек – Отчет В.М. Чебрикова М.С. Горбачеву о работе КГБ СССР за 1985 год. Упомянувшийся уже Вашингтонский архив.)

Естественно, мы старались свести это явление до минимума, докапывались до его первопричин, отслеживали поведение невозвращенцев за рубежом и др.

Могу с уверенностью сказать, что «политических» среди них практически не было. Чаще всего первопричиной становились: ущемленное самолюбие, личные обиды, бытовые трудности и стремление избежать наказания за различные, как правило, аморальные прегрешения.

Борцов с советской властью, как они сейчас ни пытаются набить себе цену, среди них практически не было. И неудивительно, что большинство невозвращенцев, не найдя счастья на чужбине, давно вернулись и процветают в современной полукриминальной России.

Благо Лубянка умеет хранить тайны.

Кроме того, часто советские граждане становились жертвами разработанной спецслужбами противника эффективной системы склонения их к невозвращению на Родину. Создава-

лись оперативные ситуации, когда человек был обречен. Как всегда расчет делался на самые низменные качества человека: страх, жадность, пьянку, похоть.

Практически на каждой советской туристической группе спецслужбами и враждебными идеологическими центрами отрабатывался этот набор вечных общечеловеческих «ценностей». Зная страну, маршрут и время пребывания, можно было на 100 процентов предвидеть, где, когда и что произойдет. Только за первую половину 1988 года, как заявил в одном из своих выступлений В.А. Крючков, против советских миссий и граждан за границей было проведено 900 провокационных акций.

Но все наши предупреждения встречались со скептическими улыбками. И до сих пор завзятые юмористы не забывают похихикать над выезжавшими в составе групп «тупыми кагэбэшниками».

А ведь на подобную работу прагматичный Запад выделял тогда огромные деньги.

В США в эпоху Рейгана в 1983 году ЦРУ был создан целый специальный Фонд «Jamestown Foundation», который должен был «оказывать помощь коммунистическим перебежчикам занять желаемое место в американском обществе».

Оказавшись за рубежом, перебежчики и невозвращенцы убеждались, что они были нужны своим совратителям лишь для пропагандистских акций, и выказывали недовольство в связи с невозможностью сделать на Западе карьеру, сравнимую с той, которую они бросили на Родине. Чтобы не отпугнуть «карьеристов», в правление Фонда были введены родственные души – один из бывших руководителей румынской разведки генерал Ион Пачепа, а также бывший заместитель генерального секретаря ООН, советский дипломат-предатель Аркадий Шевченко, перешедшие на сторону неприятеля в 1978 году.

Одной из форм экономии средств ЦРУ для финансовой поддержки предателей были предусмотрены гонорары за печатание и реализацию их антисоветских свидетельств-мемуаров. В административном совете Фонда состояли такие одиозные фигуры, как Дик Чейни и Марсия Карлуччи (супруга Фрэнка Карлуччи – в то время заместителя директора ЦРУ).

До работы в Парткоме и этой встречи я пять лет с огромным интересом создавал информационно-поисковую систему, которая только-только начала давать неплохие результаты по выявлению агентуры противника. В каких-то вопросах мы уже начали соревноваться с Управлением «Н» ВГУ, с информационными структурами ПГУ (внешней разведкой). По нашим материалам были заведены дела оперативной разработки на агентов-двойников, работавших за рубежом на канале выезда.

Дважды наши аналитические справки заставляли руководство КГБ проводить серьезные оперативные совещания, вносить серьезные коррективы в работу. Так, по материалам 13-го отдела об изменении отношения спецслужб КНР к работе с советскими гражданами такое совещание проводил лично Ю.В. Андропов. На наших материалах он написал красным карандашом – «Вот так надо работать!»

Систематическая и скрупулезная работа с отчетами о заграничных поездках агентуры и оперработников стала давать все более серьезные результаты. Так, мы стали фиксировать, что в Западной Европе на всех каналах выезда советские граждане все чаще стали сталкиваться с одними и теми же вопросами, которые в одинаковой формулировке, в одинаковой последовательности задавались им совершенно разными иностранцами. Разные страны, разные города, разные люди, но вопросы удивительно похожие. Все это очень напоминало целенаправленные социологические опросы.

Четко высвечивалась их методика и направленность. Сначала шли безобидные расспросы личного характера, где родился, где учился, о семейном положении, о родителях и детях и т. п. Если человек отвечал, следовали вопросы посложнее: об отношении к наиболее острым политическим проблемам, в частности, как воспринимается человеком и его окружением назначение, например, Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС

и т. п.; а потом, если человек оказывался разговорчивым, «без тормозов», без стеснения шел конкретный разведдопрос – в каких частях Советской Армии служил, какая там боевая техника и т. п.

Активное участие в этой работе принимали эмигранты, различные антисоветские националистические организации типа НТС, и особенно ОУН.

Чтобы убедиться в правильности своих подозрений, мы стали целенаправленно ориентировать людей на получение подробных данных о каждом случае анкетирования, о конкретных вопросах, об иностранцах их задающих и т. п. Очень скоро нам удалось не только создать коллекцию опросных анкет, но и был составлен список лиц, принимавших в них участие. То есть – агентуры противника. Многие заграничные «соотечественники-доброжелатели» показали себя с истинной стороны. Сомнений в том, что это был новый метод сбора разведданных, не было.

Совсем недавно мне в руки попало интервью Эрнста Эрлау (Ernst Uhrlau), бывшего директора БНД (западногерманская разведка), который с гордостью рассказывал о своем нововведении, о внедренном им анкетировании граждан соцстран. Речь шла в основном о Восточной Германии, но понятно, что и граждане СССР также не оставались без внимания во всех странах.

«...Когда я начал работать в немецкой разведке, наши службы оценивали восточногерманский режим как стабильный. Но я бывал в ГДР, и мое впечатление и от этой страны, и от Польши, например, что эти страны куда ближе к коллапсу, чем к стабильности. Поэтому я решил прибегнуть к системе анкетирования. Конечно, это не был полностью социологический подход, потому что мы не могли выбирать наших респондентов. Мы составили анкету примерно из 20 вопросов, включая бытовые условия, снабжение, возможность ездить за рубеж, социальную жизнь (дружба и т. д.). От этих вопросов мы переходили к собственно политическим темам, но мы не раздавали анкету для ответа в письменном виде, а проводили неформальные устные опросы.

Люди, которые нам отвечали, не подозревали, что эти данные потом обрабатывались нашими спецслужбами. Каждые шесть месяцев мы получали результаты примерно 600 опросов. И результаты сообщались правительству, парламентским институтам, занимавшимся Восточной Германией, а также нашим британским, американским и французским союзникам. Я лично передавал их в Елисейский дворец в сопровождении руководства французских спецслужб. А также в Белый дом и на Даунинг стрит. Такие опросы проводились впервые за сорок лет. Мы хотели понять, возможны ли изменения и стоит ли восточногерманский режим на солидных ногах».

Кстати, я предыдущий абзац написал задолго до ознакомления с откровениями Эрлау. Я понимаю, что спецслужбы противника получали, таким образом, определенный оперативный результат, но и нам, после накопления необходимого количества данных, удавалось без ошибок определять, кто из принимающих советских граждан иностранцев, зарубежных фирм связан со спецслужбами.

База данных КГБ об агентуре противника, как вы поняли, существенно пополнилась после нововведения Э. Эрлау.

Кстати, многие вражеские пособники уже давно вернулись в Россию, и я не думаю, что они стали больше любить нашу страну, а враги наши сняли их с крючка. Интересно, чем они занимаются сейчас?

С большей степенью результативности мы стали выявлять вербовочные подходы к советским гражданам, предупреждать провокации против них, целенаправленно ориентируя выезжающих за рубеж на новые методы деятельности спецслужб, разрабатывать иностранцев.

В каждом управлении-отделе или отделении местного органа КГБ СССР существовало подразделение или сотрудник, работавшие «на канале выезда».

Но не во всех регионах страны одинаково целеустремленно и грамотно работали на этом направлении. Некоторые работники, выезжавшие в заграничные командировки в составе различного рода коллективов, воспринимали такие поездки не как высокое доверие, а как поощрение. И, естественно, при таком подходе сложно было ожидать от них серьезных оперативных результатов. Чаще всего по возвращении они нам скромно отвечали: «Ничего интересного выявить не удалось!». Не верить мы не могли.

На определенном этапе накопление оперативных материалов и их целенаправленная обработка позволили нам не только усовершенствовать систему получения данных о противнике, но и разработать критерии оценки качества разведывательной и контрразведывательной работы выезжавших за рубеж оперработников, агентов и доверенных лиц, а значит, и направлявших их местных органов КГБ.

Зная маршрут, например, туристической группы, мы с большой степенью вероятности могли предсказать, с чем сталкивался оперработник, что он видел по пути следования, с кем из иностранцев и бывших советских граждан он общался и др. И, таким образом, из представленного им отчета четко просматривались и уровень его общей и оперативной подготовки, старательность в выполнении задания и даже его честность.

Все чаще на места стали уходить подписанные на уровне руководства ВГУ разгромные распоряжения типа: «В связи с отсутствием в работе Х. конкретных оперативных результатов во время его поездки в..., считаем в дальнейшем нецелесообразным направление его в заграничные командировки».

Эта бирка становилась преградой не только для последующих заграничных поездок, но и для должностного роста «отдохнувшего за рубежом» нерадивого и, как правило, не рядового сотрудника.

Результаты превосходили все наши ожидания. В КГБ – УКГБ по вопросам работы на выезде стали проводиться совещания руководства, создавались специальные комиссии, Советы, за выезжающими за границу оперработниками закреплялись опытные наставники, стали практиковаться направления их на подготовку в Москву к нам в отдел и т. п.

Возросло количество серьезных оперативных сигналов, материалов, по которым заводились дела оперативного учета и т. п.

Работников 13-го отдела стали приглашать для оказания помощи в местные органы госбезопасности. Приходилось бывать в местных органах госбезопасности и мне. Так, в составе проверочных комиссий Инспекторского Управления КГБ СССР под руководством генерал-лейтенанта С.В. Толкунова пришлось побывать в обкоме КПСС в Свердловске, где нас принимал Первый секретарь обкома Б.Н. Ельцин, а также в Челябинске.

Бывая «на местах», я не ставил своей задачей выискивать негатив, больше занимался передачей опыта и поиском нового. Выступал там с докладами на серьезных совещаниях. Проводя занятия с сотрудниками, старался учиться у них. Каждая поездка обогащала новым опытом и знаниями. Складывались добрые личные отношения с оперсоставом и руководителями выездных подразделений.

Хорошим подспорьем была профилактическая работа с руководителями самого высшего уровня. Здесь надо отдать должное мужеству начальника 13-го отдела В.М. Прилукова.

***Генерал-лейтенант Прилуков Виталий Михайлович** родился 25 февраля 1939 г. в г. Казани. Член КПСС с 1964 г. Окончил авиационный техникум и Пермский политехнический институт (1963). В 1963–1973 гг. – на выборной комсомольской и партийной работе. Последняя должность – секретарь комитета КПСС Ленинского района г. Перми.*

В органах госбезопасности с 1973 г. Окончил двухгодичные курсы по подготовке руководящего состава при Высшей школе КГБ СССР.

С 1975 г. – на службе во Втором главном управлении КГБ СССР. В 1980–1982 гг. – начальник 13-го отдела. С 1982 г. – заместитель начальника Управления «П» (экономиче-

ского) Второго главного управления КГБ СССР, в октябре 1982 г. преобразованного в 6-е Управление КГБ СССР, с апреля 1986 г. – первый заместитель начальника этого Управления.

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В июне 1987 г. назначен начальником Управления КГБ по Ленинградской области, в апреле 1989 г. переведен на должность начальника Управления КГБ по г. Москве и Московской области, с 16 марта 1991 г. по совместительству стал заместителем председателя КГБ СССР.

Член Коллегии КГБ СССР (23 мая 1987 г. – август 1991 г.).

Освобожден от должности Указом Президента СССР от 28 августа 1991 г. № УП-2473 за поддержку ГКЧП. Народный депутат РСФСР (1990–1993), член Комитета Верховного Совета РФ по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. Один из создателей АОЗТ «Российская национальная служба экономической безопасности».

Вспоминаю нашу с Виталием Михайловичем профилактику одного из руководителей КГБ среднеазиатской республики.

Руководители республиканских Комитетов госбезопасности периодически проходили стажировку в подразделениях Центрального аппарата. Вся стажировка обычно сводилась к дружеской беседе за рюмкой чая с начальниками отделов и Управлений.

Барски рассевшись в кресле, гость Москвы, обсудив мировые проблемы и перебив кости общим знакомым, наконец, только не похлопывая по плечу, по-отечески снисходил до вопроса: «Ну, Виталий Михайлович, как там наш Комитет выглядит на общем фоне?». Уровень стажеров, их начальственная, а часто и национальная спесь и обидчивость не всегда позволяли даже начальнику отдела Центрального аппарата откровенно говорить с ними о недостатках.

На этот случай нами была предусмотрена домашняя заготовка.

Я предварительно готовил обобщенный критический материал о работе этого местного органа с конкретными цифрами, примерами, фамилиями выезжавших сотрудников и др. Для ответа на вопрос гостя, Виталий Михайлович брал телефонную трубку и, дав команду подбирать материалы по данному Комитету, приглашал меня на доклад.

Я, по-армейски щелкнув каблуками, вытаращив от усердия глаза, как бы не зная высокой должности важного гостя, не стесняясь в выражениях, докладывал начальнику, что «видимо, в соответствующем КГБ не понимают важности работы на канале выезда, не представляют, во что обходится государству поездка каждого работника... и т. д. и т. п. Вот, например, тамбовским управлением, равным по количеству сотрудников лишь одному из многих областных управлений данного КГБ республики, за год сделано...» Сравнение, конечно, далеко не в пользу нашего важного гостя.

Прилуков меня демонстративно тормозит, успокаивает: «Ну ладно, ладно, Валерий Николаевич, спокойнее, без эмоций, не надо делать поспешных выводов...».

Уши гостя горят. Не привык он слышать критику.

После моего ухода, рассказывал Виталий Михайлович, шел действительно дотошный профессиональный разговор, делались серьезные выводы, которые, как мы убеждались, быстро сказывались на результатах работы республиканского Комитета.

А я получал приглашение приехать в республику для оказания помощи.

Умеешь критиковать – помоги. Причем без обид.

Стараясь, чтобы наработанный материал, опыт не пропадали втуне, я печатал статьи в специальных сборниках Комитета, неоднократно выступал с лекциями перед курсантами Высшей школы КГБ СССР, перед руководством министерств и ведомств.

За подготовку материалов для расширенной коллегии «Зарубежгеологии» Министерства геологии СССР и за двухчасовое выступление там был даже лично министром геологии награжден ведомственной медалью «В ознаменование 100-летия геологической службы». Понимаю, что ее более достойны геологи, многие годы кормившие комаров в сибирской

тундре, разведывая нефть и газ, которые и сейчас кормят наших олигархов, а остатки с барского стола позволяют стране кое-как выживать, но все же – приятно.

На последнем для меня годовом отчете, перед уходом в Партком КГБ, я сделал доклад о результатах работы нашего информационно-аналитического подразделения. Доклад, не скрою, получился хвалебным, но ведь было и о чем доложить.

Ушатом холодной воды была для меня его оценка присутствовавшим на совещании заместителем начальника 2-го Главного управления генерал-майором И.М. Булдаковым.

Если кратко и интеллигентно, то это звучало так: «Занимаетесь вы, товарищи, ... самодеятельностью. В Комитете госбезопасности существуют специализированные информационно-аналитические подразделения, например у нас в Главке это Управление «Н», где работают ученые – кандидаты и доктора наук. Эти подразделения оснащены современной вычислительной техникой и т. п. А вы со своими амбарными книгами только бесполезно тратите служебное время...».

Насчет амбарных книг он был, конечно, прав, но это была не наша вина. Да и форма выступления Ивана Михайловича, не стеснявшегося в выражениях, была весьма обидной.

На следующий день, собравшись с духом, я напрасился по телефону на прием к генералу. Не как заместитель начальника отделения, а как партийный секретарь отдела, который хочет получить оценку работы своей парторганизации от старшего товарища – коммуниста, члена парткома Управления и т. д.

Отказать он, естественно, не мог.

Не высказывая обид, я предложил ему провести эксперимент. Практика – критерий истины. И я, и Управление «Н» ВГУ получают одинаковый запрос. Например: подготовить обобщенный материал по теме: «Вербовочные подходы спецслужб США в отношении советских специалистов-секретноносителей, выезжающих за рубеж по линии научно-технического обмена, например из региона Урала».

Помимо содержания и качества ответа предлагалось оценить также и время его подготовки. Но Управление «Н», конечно, не должно знать, что участвует в импровизированном соревновании. Понятно, что зная об этой, образно говоря, «проверке на вшивость», руководством Управления «Н» на его подготовку будут брошены огромные «остепененные» силы. Хотя, зная положение дел в наших информационно-аналитических службах, я этого не боялся. Запрос якобы идет от рядового оперработника.

Через десять дней мы представили Ивану Михайловичу 12-страничный документ, содержащий не только примеры, статистику, но и серьезный анализ. Какая категория советских граждан наиболее интересна (т. е., что интересует противника на Урале); какими личностными критериями спецслужбы пользуются, выбирая объект вербовки (признаки); формы и методы предварительного изучения; направления предварительной идеологической обработки; ход вербовочной беседы; иностранцы, участвовавшие в ней и т. п. Используемые для создания вербовочной ситуации провокации и т. п. Все это в динамике, с цифрами, процентами, корреляционными коэффициентами.

Управление «Н» через полтора месяца представило толстенный, 300-страничный, и кажется, не один том со ссылками на хранящиеся в архиве формализованные отчеты. Типа № 140-45521 от 27.10.19...г. – на 6 страницах. Получив такой том, инициатор запроса должен был пойти в архив, запросить и дожидаться подготовки материалов, а потом на старом школьном фильмоскопе (утрирую, но очень близко к реальности) просмотреть тысячи микрофишей, сделать из них необходимые выписки, на основании которых еще очень долго работать над получением выходного материала.

Победа была за нами.

Наш документ в виде статьи, я уже не помню под чьим именем, был опубликован в Трудах ВКШ КГБ, и впоследствии я не видел ни одной диссертации на тему о вербовочной работе противника на канале выезда, где в библиографии не указывался бы наш отчет.

Наше отделение усилили несколькими штатными единицами.

Работали в захлеб. Сложилась хорошая команда. Начальник отделения полковник А.М. Мироненко, его заместители полковник С.Я. Добринский, подполковник В.Н. Величко, старший оперуполномоченный майор В.А. Самохин, оперуполномоченные капитан С.Е. Дронов и др.

Но вдохновителем всех наших побед и самым большим для нас всех авторитетом была старшая оперкартотетчица Мария Михайловна Ульянова, старейший сотрудник органов госбезопасности СССР. Ее муж Б.М. Комаринец в 1946 году был одним из создателей Научно-исследовательского института криминалистики ГУМ МГБ СССР. Видимо, многое она почерпнула от этого удивительного человека. Ее высочайшая культура, грамотность, удивительных острое оперативные материалы серьезно помогали нам в работе.

В качестве лучшей машинистки-стенографистки МГБ – КГБ ее в 1950–1960-е не раз привлекали для записи переговоров руководителей страны с высокими зарубежными гостями. Она вспоминала, как сидя за занавеской, стенографировала беседы Хрущева с президентом Египта Гамалем А.Насером во время его первого визита в СССР в апреле 1958 года.

Помимо всего прочего, для меня, когда я был избран секретарем парторганизации, она была наставником и в непростых внутриотдельских межличностных отношениях. Мария Михайловна была одним из первых членов нашего Клуба ветеранов госбезопасности.

Как я уже отмечал, в отделении имелась «картотека Марии Михайловны» на всех послевоенных невозвращенцев (кроме сотрудников КГБ, военных и дипломатов), которая была ее детищем, созданным еще до моего появления. За тридцать с лишним лет их накопилась, к сожалению, не одна сотня. В картотечных файлах хранились шифровки резидентур ПГУ, отчеты о встречах с невозвращенцами наших оперработников и агентуры, результаты оперативного расследования всех четырех составляющих преступления: об объекте и субъекте преступления, об объективной и субъективной сторонах. Причем в динамике: о созревании преступного умысла, о подготовке преступного деяния и обстоятельствах невозвращения. Накапливались также оперативные материалы и о поведении невозвращенца за рубежом и др.

Соотношение огромного материала о деятельности спецслужб противника по склонению советских граждан к невозвращению с обстоятельствами каждого случая измены Родине позволяло уже не качественно, а количественно, статистически определить приемы, формы и методы враждебной деятельности, а значит, и эффективно разрабатывать меры противодействия. Знание причин и обстоятельств, способствовавших созреванию преступного умысла, и наиболее часто повторяющихся и фиксируемых во вне признаков подготовки к преступлению и др. позволило создать для сотрудников местных органов инструкции-рекомендации, в которых был представлен набор признаков, выявляя которые, можно было из общей массы изучаемых перед заграничными поездками советских граждан выделять тех, кто требует особого внимания и контроля, как на стадии первичной проверки, так и во время пребывания за рубежом.

Таким образом, за пять лет работы в 13-м отделе ВГУ нами был подобран уникальный материал для моего очередного диссертационного исследования по контрразведывательной тематике и др. Диссертация была практически готова и реализовывалась в повседневной практике. Не хотелось все это бросать.

Участие в расследовании обстоятельств каждого случая невозвращения, работа совместно со следователями с возвратившимися в СССР «жертвами спецслужб» позволили создать психологический портрет типового изменника, определить набор сопутствующих преступлению черт характера изменника, психологических особенностей.

Кстати, ретроспективно изучая личности уже состоявшихся изменников, мы убеждались, что среди них не было людей без какой-либо червоточкины.

Вот вам живой совершенно недавний пример – «узник Таганки» Юрий Петрович Любимов.

Интервью журналу «Итоги». 19 сентября 2011 года. Вопрос: «Ю.П., артисты всегда сукины дети?» Ответ: «К сожалению! В любые времена это было. Ничего нового. Профессия такая. Хуже чем торговать собою. Проститутки хотя бы тело продают, а эти душу. Хотят, чтобы их чаще и полнее использовали».

Это о своих товарищах, для которых он, «видевший Станиславского и разговаривавший с Мейерхольдом», «так сказать интеллигентская прослойка», по предыдущим его откровениям, то мэтр-учитель, то убежденный сединой отец-воспитатель, то не стесняющийся в обличениях критик и т. п. Дальнейшие его одобренные пошлым юмором характеристики всех и вся у меня вызывают рвотный рефлекс.

И бесконечное вранье. Вот очередная цитата: «Однажды, к слову, и меня пытались вербовать. Еще в 1960-е годы. Некий тип заявился без приглашения домой, показал удостоверение полковника, принялся грубо шантажировать и запугивать, повез на какую-то конспиративную квартиру, где положил на стол пистолет и потребовал, чтобы я каждые две недели писал рапорты, рассказывая о контактах с теми, на кого они укажут. Улучив момент, я отбросил пистолет в угол комнаты, выскочил в дверь, запер ее снаружи, ключ выбросил в лестничный пролет. Все, больше подобных предложений не поступало».

Ну, право, Джеймс Бонд, агент 007. Мания величия! Чего только на старости лет не придумается. Артист, он и есть артист. Даже комментировать этот бред не хочется.

И всюду «Я». «Я» сказал Сулову, «Я» сказал Микояну, «Я» сказал Фурцевой, «Я» сказал Андропову и т. п. Жаль мне его. Как же было тяжело ему, артисту, начинавшему в Ансамбле песни и пляски страшного НКВД СССР, сталинскому лауреату, носящему партбилет в кармане, так долго и тщательно скрывать свою ненависть к коммунистам, к советской власти, к окружающим его людям.

Да еще, стиснув зубы, не отказываться, а принимать от них премии, ордена и медали, грамоты и деньги. Постановлением СНК СССР «О присуждении Сталинских премий в области искусства и литературы за 1952 год (театрально-драматическое искусство) Любимову Юрию Петровичу, исполнителю роли Тятин в спектакле «Егор Булычов и другие» из Театра Вахтангова. Удостоен премии второй степени в сумме 50 000 рублей. Это при условии, что в тот период средняя зарплата в СССР составляла чуть больше 600 рублей.

Значит, не ошибались его товарищи, единогласно исключив этого перевертыша из членов КПСС. Не ошибалось советское государство, лишив его гражданства в марте 1984 года. Не ошибся Ю.В. Андропов, причислив этого деятеля искусств к стану «антисоветчиков».

Сегодня этот «патриот» с гордостью рассказывает, что: «Зато паспортов у меня – сразу четыре. Российский, венгерский, итальянский и израильский. Предлагали оформить еще и британский...».

Может быть, он и талантлив как артист и режиссер, но как же здорово его личность укладывается в схему предателя.

Прекрасно укладывается в мою схему и первый и, слава Богу, последний президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев. Но об этом позднее.

Если речь шла о советском человеке, заинтересовавшем своими знаниями или ставшим необходимым для проведения враждебных СССР политических акций, спецслужбы не гнушались никакими провокациями, не останавливались ни перед похищением, ни перед запугиванием, активно использовали агентуру и даже психотропные средства.

Но чаще всего продуктом их труда были, как я уже рассказывал, ущербные, слабовольные люди или политически безграмотные граждане, безгранично верившие западной пропаганде.

Но все оказывалось, как в старой русской пословице: «За морем телушка полушка, да рубль перевоз».

Пример. Поздней осенью в середине 1980-х в ФРГ в аэропорту г. Франкфурта-на-Майне пропал советский гражданин литовец Антанас С. Первичное расследование показало, что по всем признакам, видимо, это очередная провокация спецслужб.

Мы рассуждали так. Ему уже далеко за 50. Поздновато начинать жизнь сначала на новом месте, тем более за рубежом. Проблемы по службе? Нет. В городе Паневежисе, откуда выехал С., он возглавлял профсоюзную организацию большого транспортного хозяйства и был не на плохом счету. Бытовая неустроенность? Нет. Перед самой поездкой получил новую квартиру. Дети устроены по жизни, имеют хорошую работу, квартиры. Значит, по службе и материально ничем не обижен. Семейные неурядицы? Нет. В семье тишь да гладь. Националистические настроения? Тоже – нет. Родители С. «ястребки», участвовавшие в послевоенное время в борьбе с литовским националистическим бандподпольем. Значит, националистические или антисоветские мотивы маловероятны и т. п.

Фактов подготовки к побегу также не прослеживалось. Туристическая группа, в которой С., кстати, был руководителем, летела на отдых на Кубу. Перед вылетом теплые вещи туристами были переданы провожающим. Трудно было бы представить, чтобы в это время, а дело было поздней осенью, человек осмелился бы уйти в неизвестность в легких брюках и рубашке. Все говорило о том, что человек попал в беду и ему надо помогать.

Причем тогда это был уже не первый случай насильственных действий против советских граждан, и руководство решило провести пресс-конференцию для иностранных журналистов, где в очередной раз заклеить проклятых империалистов и потребовать от СМИ помощи в розыске и возвращении С.

Но что-то не складывалось. И мне удалось отговорить инициаторов от этого острого политического мероприятия. И мы не ошиблись, через восемь дней в аэропорту Шереметьево у трапа самолета из Франкфурта-на-Майне я уже встречал «товарища» С.

Его рассказ дал бы пищу не для одного шпионского бестселлера. По его словам, он был неизвестными братьями-литовцами насильно похищен прямо в аэропорту Франкфурта-на-Майне, в технических помещениях которого его опоили каким-то зельем, видимо наркотическим напитком, и в почти бесчувственном состоянии заставили подписать просьбу о политическом убежище.

Когда он, пробыв в забытии почти два дня, пришел в себя, ему объявили, что самолет давно улетел и показали документ-заявление с его подписью. Крыть было нечем. Потом его перевезли в лагерь для беженцев, где содержались незаконные иммигранты из Вьетнама, Индии, Польши. Его там унижали, избивали. Чтобы прокормиться и накопить немного денег он в холодную погоду в легкой одежде ходил с пожалевшими его поляками на работу. На ледяном ветру копал ямы и сажал деревья, убирал мусор и т. п. Накопив необходимую сумму, он перебрался через забор, поймал такси и приехал в Агентство «Аэрофлота», откуда его направили в Москву. Герой да и только.

Поселили его в гостинице «Россия». Я попросил, чтобы С. дали номер с видом на кремлевские звезды, чтобы они давили ему на психику. После трех или четырех дней многочасовых бесед С. рассказал, что уже много лет он слушал западное радио, любил рассматривать привозимые из-за границы водителями-дальнобойщиками глянцевого журналы, слушал рассказы товарищей, побывавших за рубежом.

Как удалось его разговорить? Естественно, не было насилия, угроз, противозаконных методов. Просто мы очень хорошо знали психологию изменников, владели ситуацией в лагерях беженцев, имели характеристики на весь работающий там персонал, и С. очень скоро понял, что врать бесполезно. А может быть, еще сохранились остатки совести.

Как он рассказал, сначала решил выехать на разведку. Враждебной деятельностью заниматься он не собирался и надеялся, что его жене не откажут в выезде к нему «для воссоединения семьи». На самом деле ему неожиданно легко удалось выбраться из здания аэропорта. Для того чтобы добраться до штаб-квартиры литовских националистов, адрес которых он узнал заранее и на помощь которых надеялся, он решил угнать автомашину, ведь он высококвалифицированный автомеханик, но сработала сигнализация и его задержали полицейские, которые передали людям в штатском.

Вот там он, чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности за угон, подписал прошение о политическом убежище.

Дальше действительно был лагерь для беженцев. Братья-литовцы, с которыми ему удалось связаться, его разочаровали. Они поделились с ним своими бедами, и кроме небольшой суммы денег на карманные расходы, бэушных свитера, джинсов и стопки эмигрантских газет и журналов от них он ничего не получил. Более того, ему объяснили, что для того чтобы получить работу по специальности (в Литве он был автомехаником высокого разряда, чем очень гордился), ему надо сдать экзамен по специальности на немецком языке.

Он понял, что роскошный особняк, дорогие автомашина и яхта в ближайшее время ему явно не светили. Вот тогда и родилась идея вернуться на Родину, поведав доверчивым чекистам, которые, конечно, будут с ним беседовать, о своем мужестве и героизме.

По возвращении домой он, кажется, был исключен из партии и потерял свою руководящую должность. Еще один борец с коммунизмом.

Разочаровавшись в западном образе жизни и не имея возможности вернуться домой, люди пускались во все тяжкие или даже сводили счеты с жизнью.

Показательна судьба некого Тарасова из г. Вологды. Его жене, комсомольской активистке, удалось включить его в туристическую группу, от которой он «отстал» в одном из зарубежных аэропортов, кажется тоже во Франкфурте-на-Майне.

Их совместной целью была благословенная Америка, США. Устроившись там, он также собирался вызвать к себе жену. Но оказалось, что в Америке его никто не ждал, да и жене «невозвращенца» никто бы разрешение на выезд не дал. Можно долго рассказывать о его зарубежных злоключениях. Поработав уборщиком, официантом, чернорабочим на стройке, Тарасов по совету новых друзей завербовался в армию США, так как ему объяснили, что как военнослужащий он может теперь заручиться поддержкой самого президента в организации своей жене выезда в США. Президент и правда направил подобный запрос в МИД СССР, но безуспешно. Чтобы встретиться с женой, Тарасов побывал даже в ЦРУ. Там предложил обучить его шпионскому ремеслу и забросить в СССР. Но в ЦРУ, как и в КГБ, не любят «инициативников», тем более иностранцев. Дальше опять продолжение скитаний.

К сожалению, все кончилось трагически. Эмигрантское «Новое русское слово» опубликовало на своих страницах некролог Тарасова, бросившегося в Нью-Йорке под электричку, кажется, в новогоднюю ночь.

Правда, Тарасов немного поспешил. Он не знал, что его отец – инвалид, участник Великой Отечественной войны нашел все же верный ход и написал слезное письмо лично Л.И. Брежневу, в котором вспомнил и Малую землю, и другие военные эпизоды. Генсек, будучи очень добрым человеком, естественно, расчувствовался, прослезился и не смог отказать фронтовику. На письме-просьбе появилась его резолюция: «Решить положительно!» Еще бы чуть-чуть и Тарасов, погуляв по свету, воссоединился со своей семьей, а вологодская общественность, которой местные ТВ, радио и газеты рассказывали о нехорошем его поступке, поняла бы, что можно-таки совершать государственные преступления и оставаться безнаказанным.

Тема любви гражданина к Родине, любви Родины к гражданину, тема «патриотизма» неисчерпаема. В этом плане мне симпатично высказывание Джона Кеннеди «Не спрашивай, что Родина сделала для тебя, а сначала спроси себя, что ты сделал для Родины?»

Материалы диссертационного исследования, предварительно названного мною «Измена Родине в форме отказа советских граждан от возвращения в СССР из заграничных поездок. Изменнический умысел. Признаки формирования и методы его выявления», я апробировал на лекциях в ВКШ КГБ. Ребята слушали очень внимательно, конспектировали и задавали умные вопросы.

Для ознакомления с оперативной обстановкой я периодически выезжал за рубеж, выполнял там специальные задания. Около десяти раз побывал в США и Канаде.

Я был более чем удовлетворен работой в 13-м отделе. Каждый день приносил что-то новое, интересное. Тем более что, честно говоря, я не собирался задерживаться в Москве, получив опыт работы в Центральном аппарате КГБ, намеревался возвратиться в родное Воронежское Управление.

И еще немного о Парткоме КГБ

В середине 85-го я срочно был вызван в Партком КГБ СССР. До этого я, секретарь парторганизации отдела, чаще бывал в Парткоме своего Главка. Сейчас даже не помню, бывал ли я до этого в «Большом парткоме».

Принял меня заместитель секретаря Парткома по организационно-партийной работе, капитан I ранга из морских частей Погранвойск КГБ СССР Анатолий Александрович Тараканов. Получив от него по-армейски прямое предложение поработать на освобожденной партийной работе, я, апеллируя ко всему чуть ранее сказанному, попытался отказаться. Ведь сделано было много и очень не хотелось все это бросать на полпути. Второй раз моя очередная диссертация откладывалась на неопределенное время.

Но после такого же по-солдатски прямого риторического вопроса моряка-пограничника: «А не стоит ли Вам, Валерий Николаевич, подумать, а нужен ли партбилет коммунисту, отказывающемуся от освобожденной партийной работы?» мне оставалось только встать, отдать воинскую честь и, громко, по-уставному сказать: «Есть!», и перейти на работу штатным инструктором в отдел организационно-партийной работы Парткома КГБ СССР.

О чем я сейчас совершенно не жалею.

В рамках одной руководящей партии я считаю идеальной схему выращивания в Комитете госбезопасности СССР кадров будущих руководителей. Сначала успешная общественно-политическая деятельность и работа по специальности на гражданке; затем, по приходе в КГБ, работа на рядовых и руководящих оперативных должностях в местном органе госбезопасности; одновременно на выборных не освобожденных партийных должностях КГБ – УКГБ (секретарем парторганизации подразделения, например, или в составе местного парткома); потом работа на должностях младшего руководящего оперативного состава (начальник отделения – замначальника отдела) в Центральном аппарате КГБ; работа в качестве инструктора-куратора в Парткоме КГБ СССР, где сотрудник начинает понимать структуру КГБ СССР и не только тактику оперативных подразделений, но и политику партии и, соответственно, стратегию Комитета; работа на руководящих должностях (отделение – отдел Центрального аппарата); руководитель парткома Отдела – Управления и только после этого более серьезные руководящие должности уровня – Управление – Главное управление – КГБ СССР.

По должностному положению инструктор приравнялся к начальнику оперативного отделения центрального аппарата, а уходили из Парткома, если не шли по партийной линии, на должности как минимум заместителя или начальника отдела Центра.

Если проанализировать биографии первых лиц КГБ СССР, то там непременно найдете работу на серьезных освобожденных партийных должностях.

Кстати, большинство бывших инструкторов суплатовского набора ушли на руководящие должности в подразделения КГБ СССР, некоторые из них, например Н.Н. Бордюжа и другие, и сегодня при власти и при погонах. Хорошо это или плохо, не знаю!

Каждому Бог судья.

* * *

Но вернемся к предложению Ю.С. Плеханова.

Надо сказать, что, кроме всего прочего, оно было неконкретным. Юрием Сергеевичем не была определена будущая моя должность, сущность предстоящей работы. И, естественно, я отказался.

Через пару месяцев Плеханов вновь вернулся к вопросу о моем переходе в «Девятку» и предложил мне должность заместителя начальника 2-го отдела, как сегодня говорят, отдела собственной безопасности, ехидно приговорив при этом: «раз уж ты – контрразведчик!»

Но и это меня не устраивало. Я тогда, не понимая полностью обязанностей подразделения, посчитал, что контрразведка контрразведке – рознь. Одно дело защищать серьезные государственные секреты, бороться на канале выезда советских граждан со спецслужбами ГП (Главного противника), а другое, как я нахально сформулировал тогда, – «...выяснить, кто в холодильнике охраняемого лица отрезал лишний кусок колбасы или кто прижал в углу горничную...» – не мой профиль.

Но когда Юрий Сергеевич в третий раз настойчиво предложил мне «пойти работать к нему уже «помощником», отказываться в моем положении было бы точно нахальством.

Тем более что, если первые вечерние беседы в Кремле за рюмкой чая проходили в форме не требующего срочного ответа душевного философского рассуждения, типа «а если...», то последняя – в виде жесткого безальтернативного предложения, предполагавшего по-армейски короткий и однозначный, уже отработанный мной ответ «Есть!»

К чему были такие напор и спешка я понял только позднее со слов секретаря Парткома А.Б. Суплатова. Я узнал, что в то же время он предполагал назначить меня заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы. Своими размышлениями он поделился с ЮС, ведь я был и «его инструктором». И тот поспешил уговорить меня до того, как стали известны намерения моего партийного руководства. Ведь предлагаемые должности были совершенно неравнозначны.

Кстати, после перехода в 9-е Управление на должность помощника его начальника я еще чуть ли не месяц вынужден был сидеть в будущем моем кабинете вместе с предшественником, полковником Рудаковым, пока шла подготовка документов на его увольнение. Человек он был заслуженный, деликатный и доброжелательный, но морально это было и для него и для меня достаточно тяжело.

А в тот вечер, естественно, мой ответ был предопределен заранее. Ведь предлагал член Коллегии и Парткома КГБ СССР, начальник одного из самых закрытых и специфических Управлений Комитета госбезопасности, близкий человек Юрия Владимировича Андропова, генерал-лейтенант. И просто – уважаемый мною человек...

И политически предложение Плеханова полностью соответствовало моим убеждениям.

Являясь, я думаю, самым информированным органом государства, Комитет госбезопасности под руководством Ю.В. Андропова серьезно отличался от окружающего партийно-чиновничьего мира. Тщательный отбор сотрудников, здоровые морально-психологические, я не побоюсь сказать, – партийные по большей части отношения в коллективах, избавили его от большинства присущих обществу «зрелого социализма» болезней и болячек.

Вы помните, что даже А.Д. Сахаров, очень не любивший КГБ СССР, который, кстати, не только охранял, обувал, одевал его, но и решал не только бытовые, но и многие глубоко лич-

ные его проблемы, в одной из первых перестроечных книг отметил: «...что КГБ единственная некоррупцированная государственная организация СССР...».

Большой жизненный опыт, хорошее образование и достаточная широта взглядов большинства руководителей КГБ и его подразделений способствовали смелым принципиальным оценкам положения дел в мире, в нашем обществе, постоянному поиску соответствующих этому форм и методов работы.

В частности, его критики, упирая на «преследование диссидентов и психиатрички», очень редко вспоминают о большой предупредительно-профилактической работе, в т. ч. и силами общественности, о практике «официального предостережения» и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.